

**АЛЕКСАНДР
АФАНАСЬЕВ**

СВОБОДНОЕ ПАДЕНИЕ

Враг у ворот. Фантастика ближнего боя

Александр Афанасьев

Свободное падение

«ЭКСМО»

2015

Афанасьев А. Н.

Свободное падение / А. Н. Афанасьев — «Эксмо», 2015 — (Враг у ворот. Фантастика ближнего боя)

Эта книга – о грядущем развале России. О будущем, которое не должно наступить никогда. О войне «всех против всех», о кровавом хаосе на обломках державы. Эта книга – предупреждение. Предупреждение всем: можно бороться против конкретных людей – но не против власти в целом. Сильная государственность – это жизненная необходимость, это то немногое, что защищает простых людей от ада, который вплотную подступил к нашим стенам. Разрушим государство, разрушим стены – и некому будет защитить нас...

© Афанасьев А. Н., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог	6
Север России. 1 мая 2020 года	19
Недалекое прошлое. Западный Туркменистан. Второй блок месторождений. Лето 2017 года	31
Север России. 9 мая 2020 года	42
Недалекое прошлое. Каспийское побережье. 18 августа 2017 года	48
Таджикистан, Душанбе. 18 августа 2017 года	50
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Александр Афанасьев

Свободное падение

*Впереди пятьдесят лет необъявленных войн, и я подписал договор
на весь срок...*

Эрнест Хемингуэй

© Афанасьев А., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Пролог

Андижан, Узбекистан. 21 сентября 2013 года

– ..., мы тут с этой гребаной крутой тачкой как ладони... – выругался Тэд, нервно смотря по сторонам.

– Между прочим, это ты настоял, чтобы ее купить. Забыл? – спокойно ответил Алекс. Он стоял с другой стороны массивной бетонной автобусной остановки советского образца (ее можно было использовать как временное полевое укрытие) и сек правую сторону. Тэд сек слева...

– Черт, я не знал, что тут такая задница... – нервно ответил Тэд. – Как в Халф-Лайф два играешь, вот только жизнь, мать твою, одна...

– Меньше играй в игры...

Трудно было подобрать столь несхожих людей в одну команду. Тэд – калифорнийский пляжный красавчик, красивый настолько, что его принимали за гомика – по нынешним временам в этом ничего такого нет, гомики даже в морской пехоте появились. Он пошел на курсы в Коронадо, как он сам говорил, на спор с приятелями и прошел их – легко, как и все, что он делал в жизни. А как, вы думаете, чувствует себя в воде парень, плавающий с четырех лет и привыкший в качестве зарядки по утрам бегать по пояс в воде? Такие, как он, были нужны и флоту, и стране, ведшей Долгую войну. Его зачислили в состав второго спецотряда ВМФ, в просторечье «морские котики» – и так этот золотой мальчик оказался в самой ж... этого мира – в городе под названием Джей-бэд. Так американцы, не привыкшие к столь сложным словам, называли Джелалабад.

Алекс был совсем другим. Его командир написал в служебной характеристике – «истинный правоверный», что ввело в немалый переполох и Кабул, и Кэмп Пендлтон. По крайней мере, из Кабула специально прилетели два идиота из штабных, чтобы спросить, что он имеет в виду. Командир – им тогда был майор Эррол – сказал, что этот парень, конечно же, не мусульманин. Но чертовски на них похож. Серьезный – все, что он делал, было отмечено печатью серьезности и основательности. Верящий в то, что он делает, – по-настоящему верящий. Не теряющийся в самых страшных ситуациях – когда их конвой начали долбить самодельными ракетами по дороге в Кэмп Бастион, он под шквальным огнем с горы оттащил в укрытие раненого наводчика, а потом сам принялся наводить авиацию – за что и получил Бронзовую звезду. В нем было нечто такое, чего не было в обычных американских морских пехотинцах. Этих больших мальчишках, обвешанных оружием и снаряжением, кричащих «Вау!» при попадании и воспринимающих все происходящее как какую-то игру. Он все воспринимал серьезно и делал серьезно – не напивался пивом, не играл до одури в компьютерные игры, не выдумывал про подружек, не обращался к психологам. Майор морской пехоты США сказал, что, если перед этим парнем поставить стену и приказать долбиться об нее головой, он будет долбиться, пока не останется что-то одно – стена или голова.

И внешность у него была самая обычная. Среднего роста паренек с угрюмыми глазами, но те, на кого он смотрел, как-то сразу тушевались и старались уйти. Война была в нем и на войне – он был на своем месте.

Третий член их команды стоял на другой стороне улицы. И его не любили. Звали его Мануэль, хотя все его звали Мано, что в переводе значит «рука». Он был единственным из них всех, кто не прошел Афганистан в составе боевых частей и на самых опасных участках. Мексиканец, эмигрант во втором поколении. Невысокий, невозмутимый, с загорелым лицом и ничего не выражающими глазами. В Конторе – так ее называли меж собой – он служил намного дольше, чем они, и явно занимался совсем нехорошими делами. Такими, о которых вслух не

говорят. Как и все латиноамериканцы, он отличался крайней жестокостью и уже успел это продемонстрировать. Хотя, выпив текилы или писко, он становился нормальным парнем, гораздо более веселым, чем, к примеру, тот же Алекс. Но вот только Тэд больше тянулся к угрюмому, неразговорчивому Алексу, чем к Мано, который, кстати, был из того же самого штата, из Калифорнии. Что-то было в нем такое... наверное, скрывающееся в отчетах, которые никогда не увидят свет. Что ж, кто-то должен делать и грязную работу.

В машине сидел Блэк. Майор Итан Блэк, старший их группы. Он был старше всех их примерно на десять лет – все они были «к тридцати», а майор уже подходил к сорокалетнему возрасту. Военный разведчик, он начинал в Ираке, занимался контрразведывательными операциями, зачищал Национальную полицию от завербовавшихся в нее сторонников «Аль-Каиды» и Муктады ас-Садра. Что было совсем непросто, потому что все иракцы делились тогда на две категории: те, кто хотел убить тебя прямо сейчас, и те, кто считал, что нужно подождать более удобного момента. Потом его перебросили в Афганистан, на вновь создаваемую базу морской пехоты Кэмп Двайер, в провинции Гильменд, и там он присмотрелся к странному пареньку из первой роты спецназа морской пехоты MARSOC, которые тогда чистили горы и зеленку. Потом его повысили, переведя в штаб коалиционных сил в Кабул, – заниматься тем же самым, что и в Ираке, пресекать инфильтрацию боевиков Талибана в силовые структуры Афганистана. Там он присмотрел Мано и Тэда. Потом, когда он уходил из армии в ЦРУ, в «Дивизион специальной активности», он перетащил туда и тех, кого лично знал, создав небольшую, но действенную и эффективную команду.

Все началось несколько дней назад, когда их перебросили из Баку вместо Кабула сюда, на базу в Манас. Сказали, что есть небольшая работенка, которой местные заняться не могут. И по политическим причинам, и потому, что для этой работенки нужны парни, которых никто не знает, которых до этого никогда здесь не было и после этого никогда здесь не будет.

Короче, дело как раз для них.

Работенка была санкционирована правительством страны, на территории которой будет происходить эта операция, – но не правительством Кыргызстана (на это, кстати, было всем наплевать, потому что при слове «правительство Кыргызстана» материться начинали даже местные). Заключалась она в том, что надо было тихо и незаметно проникнуть в Андижан, небольшой город в Ферганской долине, части территории Узбекистана, и весьма беспокойной части. Им был обещан коридор – как туда, так и оттуда. Затем надо было встретиться с местным связным, который постукивал ЦРУ и наверняка работал на местную службу безопасности: все это ему было надо, чтобы менять доллары, обычный заработок для смысленных людей в Узбекистане. Местный связной должен был вывести их на некоего Анзора Шарипова, уроженца здешних мест, закончившего медресе в Пакистане, а затем связавшегося с «Аль-Каидой». Здесь он маскировался под умеренного, васатиста,¹ был довольно известен в городе, поскольку у него были доллары и он раздавал их «обществам по изучению ислама» и различным медресе, которых здесь было немало. Местное правительство, возглавляемое старым и много повидавшим бывшим коммунистическим лидером Исламом Каримовым, не ожидало ничего хорошего ни от мирного ислама, ни от агрессивного ислама, тем более в свете ускоренного вывода американских войск из Афганистана, который имел место быть сейчас. Поэтому с местными была договоренность, что они будут смотреть на «изъятие» сквозь пальцы. И даже если, к примеру, какой-нибудь вертолет, поднявшийся с базы Манас, пересечет киргизо-узбекскую границу, они этого не заметят. В Манасе их ждет «Боинг-737», официально принадлежащий частной чартерной компании на Багамах, а на самом деле ЦРУ США. После того как они возьмут этого «васатиста», они перебросят его в Манас, после чего с промежуточной посадкой

¹ Проект шейха Адель аль-Фаляха, по мирному распространению ислама. Называется аль-Васатийя. Под видом васатистов часто скрываются боевики.

в Баку доставят его в тайную тюрьму ЦРУ в Польше, в мазурских болотах. Там им займутся уже другие люди, а они отправятся в Кабул, где их ждет своя работа.

Операция эта началась в Кандагаре, несколько месяцев назад, когда в результате блестящей операции морских пехотинцев США в плен удалось взять некоего Абу аль-Гамди, который у талибов считался уже «командующим фронтом». Этот самый аль-Гамди был из старой гвардии – родом из Таджикистана, бывшей советской республики, где «демократические мусульмане», так называемые «вовчики», устроили в начале девяностых кровавую гражданскую войну, унесшую жизни четверти миллиона человек. Их разбили русские, и вместе с остатками исламистских вооруженных банд он отступил в Афганистан. Там более разумные бандиты занялись наркоторговлей и крышеванием наркоторговли, а менее разумные примкнули к приехавшему в Афганистан из Судана шейху-изгнаннику, долговязому бородачу с глазами библейского пророка и полными карманами денег. Шейха звали Осам бен Ладен, и в его организации было немало выходцев из бывшего СССР. Так, военным амиром «Аль-Каиды» до конца две тысячи первого года был некий Джума Намангани, он же Джумабой Ходжиев, бывший старший сержант советских ВДВ. Вместе они едва не добились успеха в Афганистане, загнав в горы противостоящий талибам Северный Альянс, возглавляемый харизматичным таджикским полевым командиром Ахмад Шах Масудом.

После того как одиннадцатого сентября две тысячи первого года два самолета таранили башни Всемирного торгового центра, в Афганистане появилась своя восьмисотфунтовая горилла – Соединенные Штаты Америки. За два дня до этих событий двоим смертникам, проникшим в штаб Северного Альянса под видом иностранных тележурналистов, удалось обезглавить организацию, убив Ахмад Шаха Масуда. Все должно было закончиться к концу года, но американцы жаждали мести, и у Северного Альянса появились советники, при необходимости вызывающие стратегические бомбардировщики и огонь ракет «Томагавк». К концу года Афганистан был полностью под контролем Северного Альянса и американской армии, за исключением некоторых ущелий. Лидер некогда грозного движения «Талибан» бежал в Пакистан на мотоцикле, переодевшись женщиной. Лидеры «Аль-Каиды» Осам бен Ладен и Айман аль-Завахири скрылись в Пакистане, перейдя в Племенную зону горными тропами, которые американцы не знали. А само движение «Талибан», некогда внушавшее ужас своей фанатичностью, рассыпалось, будто его и не было, многие, бросив оружие, оказались в Пакистане. Там их вылавливала ИСИ – межведомственная служба безопасности. Страну тогда возглавлял генерал Первез Мушарраф, получивший западное образование, и Пакистан тогда действительно сотрудничал с Западом. Поскольку Соединенные Штаты Америки не имели значительной инфраструктуры для содержания опасных пленных, а также были ограничены в методах дознания, они часто просили оставить захваченных особо опасных боевиков в пакистанских тюрьмах, где демократии было всяко меньше, чем на любой американской военной базе. Потом они сильно пожалеют об этом, но тогда казалось, что еще немного, и они выиграют эту войну.

Десять лет спустя все было уже очень непросто. Американский спецназ совершил вертолетный рейд в город Абботабад на границе с Индией, где и ликвидировал «номер один» в «Аль-Каиде» Осаму бен Ладена. Пакистанцы пришли в ярость: за эти десять лет страна крайне радикализировалась. Пакистанские военные на допросе забили до смерти одного из информаторов, оказавших американцам помощь в установлении местонахождения и идентификации бен Ладена. Другой получил тридцать с лишним лет тюрьмы. Вместо генерала Мушаррафа, пришедшего к власти в результате государственного переворота, в Пакистане было теперь демократическое гражданское правительство, вот только оно было вынуждено балансировать между двумя силами: армией и боевиками из Племенной зоны. В самой Зоне племен под ударами беспилотников выросло целое поколение джихада, ненавидящее Америку и готовое убивать. Страна кишела исламскими экстремистами, в любой момент можно было ждать массовых беспорядков или даже исламской революции, с неизбежным попаданием в руки «исламских

революционеров» пакистанского ядерного арсенала. Сто пятьдесят атомных бомб ждали своего часа. Можно было ждать и другого – кровавого военного переворота. Переизбравшись на второй срок, президент США заявил, что собирается вывести войска из Афганистана и это произойдет быстро. Заигрывая с радикальными исламистами и думая о том, как им дальше жить рядом с Афганистаном, демократическое правительство Пакистана объявило амнистию и выпустило на свободу всех задержанных десять лет назад боевиков и террористов «Талибана» – их были сотни. Значительная их часть тут же вернулась к террористической деятельности. Среди них был и аль-Гамди, пользующийся уважением за то, что выдержал пытки и не раскололся.

Из Кандагара его перебросили в секретную тюрьму ЦРУ в Литве, расположенную на бывшей советской военной базе истребительной авиации. Там его удалось расколоть – по крайней мере частично. Из того, что он сказал, американцам стало понятно, что система управления «Аль-Каидой», бывшая на грани краха в 2010–2012 годах, почти полностью восстановлена. Он также сказал, что в числе перспективных планов «Аль-Каиды» – дестабилизировать бывшие южные республики Советского Союза даже раньше, чем Афганистан, для того, чтобы отрезать Афганистан от любых видов снабжения и возможной помощи. Перед аналитиками ЦРУ встала весьма мрачная перспектива – если сложить Афганистан, Пакистан и бывшие советские республики, то это не менее трехсот миллионов человек и по территории это одно из крупнейших государств на планете. Что касается бывших республик СССР, то там были те же проблемы, что и везде. Сумасшедшее, не укладывающееся ни в какие рамки своекорыстие и лживость правителей, отсутствие работающей экономики, деградация и одичание населения. При всем при этом в регионе активно работали исламские проповедники, а население, привыкшее за семьдесят лет коммунистического оболванивания верить сказанному, охотно принимало ислам, в том числе и самые радикальные его формы.

В числе немногих названных аль-Гамди был и Шарипов, уроженец Узбекистана. Как удалось установить, он окончил медресе Махмадия в Кветте, известную кузницу кадров «Талибана» и «Аль-Каиды», а затем вдруг уехал доучиваться в Кувейт, там покался в фитне и стал умеренным, васатистом. Как бы сказал гениальный русский режиссер Станиславский – не верю.

Что-то надо было делать. Между правительствами США и Узбекистана, крупнейшей страны региона, существовала тайная договоренность о совместных действиях, с другими странами, тем более с Россией, ее не было. Поэтому вопрос, с чего начинать, не стоял.

База ВВС США Манас располагалась в нескольких километрах от Бишкека, столицы бывшей советской республики, а теперь независимого государства Кыргызстан. Они направились туда вместе с автобусом, который возил гражданских наемных рабочих. На большой барахолке Дордой они купили местную одежду (китайскую, конечно, здесь все китайское), а на авторынке Азамат (нормальных автосалонов тут не было) – автомобиль. Они хотели купить русскую «Ниву» или что-то в этом роде, что-то неприметное, но Тэд настоял на том, чтобы они купили этот долбаный серебристый китайский внедорожник. Он напомнил ему машину, которая у него была в Калифорнии, – «Тойота Фораннер». Собственно говоря, это она и была: японцы продали производственную линию в Китай. Машина как машина – подержанная, привычная к дурному топливу, проходима и способная выдержать самую мерзкую дорогу. Оказалось, что такая же была одно время у майора в Ираке. Купили, в общем.

Там же они купили себе оружие. По таким местам опасно перемещаться без оружия, а они, прошедшие ад Долгой войны, без оружия и вовсе себя не мыслили. Автомат – это что, что даст тебе шанс выжить, когда всё настолько хреново, что жить уже невозможно. Кыргызстан был failed state, разваливающимся ко всем чертям государством, лишь остатки советского прошлого держали его на плаву. Здесь военные сбегали целыми подразделениями, потому что их не кормили, офицеры издевались над солдатами, полицейские, особо не таясь, продавали

конфискованное. Тот же парень, который продал им машину, сказал, к кому подойти, – и они стали обладателями четырех русских автоматов «АКС-74» сниженного калибра – потертых и с дурацкими оранжевыми магазинами, – но все еще годных.

На новой машине и в новом шмотье они отправились на юг: им надо было в Ош, а потом уже в Ферганскую долину, где и расположена цель. Дорога проходила через тоннель Тоо-Ашуу, который был построен через одноименный перевал русскими инженерами в шестидесятые. Длинный тоннель напомнил им тоннель на перевале Саланг, который, кстати, тоже построили русские инженеры. Но этот тоннель напомнил им и о том, что рядом существует еще одна страна, где есть такой же тоннель и где вот уже тридцать три года не прекращается война. Эта война была старше троих из них – они только родились, а проклятая война уже шла, и конца ей не было видно.

После тоннеля они остановились перекусить в придорожной харчевне, расположенной прямо у выезда из тоннеля, – черный зев горы был им виден, когда девушка, местная, без чадры, принесла им блюдо из теста, мяса, мясного бульона и зелени. Майор расплатился за всех, и они принялись это есть... Было вкусно, но мысли у всех были мрачные. А потом Тэд сказал – клянусь Богом, сэр, через десять лет тут будет то же самое дерьмо. И все промолчали.

Они ехали по стране, где десять лет назад многие не знали, кто такой мулла, а сейчас если здесь что и строилось, так это гребаные мечети с пристроями в виде медресе. Школы и больницы, мать их, закрывались, а мечети строились и непонятно, на какие деньги. Они были везде. Приметы старого советского прошлого: панельные трех- и пятиэтажки в местных фермерских хозяйствах, именуемых «деревня», какой-то неработающий завод, мимо которого они проехали, заброшенные бетонные автобусные остановки на трассе – соседствовали с новыми приметами, приметами нового времени. Торговцы всякой всячиной, предлагающие свой товар на обочинах дорог, ничем не занятые мужчины посреди рабочего дня, сидящие на корточках и провожающие машины злобными взглядами, сверкающие иглы минаретов, протыкающие небо. Они уже поняли, как все это дерьмо начинается... дураков нет. Русские, когда тут были, – они учили, лечили местных, заставляли их работать, и все было хорошо. А теперь русских нет – и этот народ оказался неспособным сам позаботиться о себе. Такие есть, к сожалению. Они не знают о демократии и не хотят ее – спокойно принимают разворовывающих страну диктаторов, пока есть что воровать. Они прекращают работать и перебиваются подачками, временными работами, ездят работать гастарбайтерами, чтобы кормить свои семьи. Они не знают и не хотят знать, что поддержание государства в порядке – это тяжелая работа и выполнять ее следует со всей ответственностью. Им на это плевать.

Потом приходит бородатый человек, у которого деньги неизвестно откуда, и начинает обличать. И в принципе он прав – действительно воруют, злоупотребляют и совершают такое, что в нормальной стране просто в голову никому бы не пришло. У этого человека есть деньги, он строит медресе на них, собирает людей и говорит им – вы, мать вашу, лучшие. Потому что вы правоверные, а они, мать их, неверные. И мы должны враждовать с неверными, пока все не станут правоверными. Если вас что-то не устраивает – идите и убивайте во имя Аллаха. Потом неизвестно откуда появляется оружие – и вот на карте планеты появляется новая «горячая точка», и рано или поздно здесь появляется USMC, чтобы навести хоть какой-то порядок.

Раньше все было не так, понимаете? Раньше все эти долбостаны были мирными, жители спокойно махали киркой, налегали на лопату и ни о чем таком не думали. А теперь все не так, мать твою. Теперь, поддерживая очередного «своего сукина сына», который обобрал свой народ до нитки, ты должен учитывать вероятность военной операции в последующем, когда сукина сына скинут и на карте появится новый рассадник заразы. Теперь уже нельзя просто забыть об очередной странной стране, расположенной так, что и на карте ее не сразу найдешь – если ты забудешь, она напомнит о себе, даст о себе знать самым мерзким образом. Нельзя думать, что, если у тебя у дома «Лексус» стоит, а здесь дома пятеро голодных детей, это никогда

тебя не коснется. Всегда найдется шейх, который взлезет в Интернет и напомнит отцу голодных пятерых детей о джихаде. О том, что правоверному разрешены жизнь и имущество неверного. О том, что он может сам все изменить – просто взяв в руки автомат. Короче, если ты не идешь на войну – война идет к тебе. И просто так закончить ее нельзя, они все это понимали. Закончим в Афганистане, а через десять лет воевать будем уже здесь, тут такой же Афганистан, все то же самое, вплоть до тоннеля через перевал. И нет этому ни конца ни края.

Вот такое дерьмо.

Они проехали через Ош. Его здесь называют «южная столица страны». В хлам разбитые дороги, старые советские пятиэтажки, совершенно обшарпанные, высокие бетонные заборы вилл, как в Афганистане. Неухоженность, грязь... страна пережила две революции за последние десять лет, все начиналось отсюда, из Оша. Все те же самые слоняющиеся по улицам молодые люди, злые взгляды, торговля на каждом углу. Они здесь снова перекусили, еще их оставила полиция и потребовала взятку. Они дали.

Точно такую же взятку с них потребовали и на пограничном посту. Узбекистан и Кыргызстан находились в крайне недоброжелательных отношениях друг с другом, одно время ситуация вообще балансировала на грани пограничного конфликта. И с той и с другой стороны погранпереход был усилен танками, обложенными бетонными блоками. Они опасались за коридор, но опасаться было нечего. Плати и проезжай.

Андижан был всего в сорока километрах от границы. И вот теперь они стояли здесь, около этой долбаной автобусной остановки, на которой был нарисован баллончиком знак, и ждали связного, который и должен был вывести их на цель.

Узбекистан был явно богаче нищего и отчаянного Кыргызстана, здесь, по крайней мере, не было революций. Управлял страной бывший партийный аппаратчик, последний глава республики при коммунистах по имени Ислам Каримов. После того как СССР развалился и русские ушли отсюда, он отбросил коммунистическую демагогию и стал править как хан или падишах. У него было две дочери, одна из которых, очаровательная Гульнара, окончила Гарвард, являлась доктором философии и исполняла рэп на английском языке под псевдонимом Gogoosha. Но ко всему она была чрезвычайно жадной, и если ей что-то нравилось, будь то дом или совместное коммерческое предприятие, это моментально отбиралось в ее пользу, причем совершенно официально, решением купленного с потрохами суда. Вторая дочь – Лола – была не менее жадной, просто не стремилась к публичности и меньше занималась бизнесом, складывая наворованное на тайные счета и покупая дорогую недвижимость. Ничего удивительного в том, что инвесторы опасались вкладывать деньги в этой стране, численность населения которой превысила тридцать миллионов человек, а люди, вместо суда, несли свои споры к мулле или того хуже – в нелегальный исламский комитет, которые тоже тут были.

Каримов был вовсе не фанатиком, он был жестким прагматиком, а коммунистический режим научил его лгать, чтобы выжить и менять свои убеждения так же легко, как хамелеон меняет свой цвет. В две тысячи пятом году именно здесь, в Андижане, состоялись массовые беспорядки, подавленные правительственными войсками – по митингующим открыли автоматный огонь, солдаты добивали раненых. Соединенные Штаты Америки тогда прекратили всяческие отношения с Узбекистаном и включили его в список стран – кандидатов на демократизацию. Каримов пришел к русским, они поверили ему и дали денег через СНГ, а русская сотовая компания МТС начала развивать здесь бизнес. Однако через пять лет стало понятно, что в Афганистане война ничем хорошим не закончится, надо решать, как быть дальше. Разумным выглядело занять позиции по линии бывшей советской государственной границы, уже укрепленной, и создать несколько американских военных баз для контроля ситуации и недопущения прорыва «Талибана» и «Аль-Каиды» на север. Надо было выбрать опорную точку – страну, через которую Америка сможет проводить свою политику в Средней Азии. Когда предложение сделали Казахстану, более цивилизованному и спокойному государству, во главе кото-

рого находился Нурсултан Назарбаев, тоже бывший коммунистический аппаратчик, Казахстан вежливо отказался, он предпочел делать ставку сразу на две страны – на Россию и на Китай. Оставался Узбекистан – самое крупное государство в регионе со стабильной армией и властью. Отставной министр обороны Дональд Рамсфельд публично признал ошибку американского правительства в отношении событий в Андижане и назвал это «мятежом, спровоцированным исламскими группами». Американский спецназ в Афганистане получил задание истребить как можно больше членов ИДУ – Исламского движения Узбекистана, воюющего в Афганистане как часть «Талибана» и «Аль-Каиды». За год истребили более восьмидесяти человек, били целенаправленно. Это была услуга, демонстративно оказываемая режиму Каримова, демонстрация полезности дружбы с США. Кроме того, американцы заставили замолчать СМИ, которые призывали не покупать узбекский хлопок, потому что он собирается с использованием детского труда. Каримов это понял и заявил о готовности Узбекистана выйти из СНГ, а его очаровательная доча как любимую игрушку отобрала у русской компании МТС сотовый бизнес в стране. Что же касается использования детского труда, то его официально запретили, но теперь всем взрослым, которым намеряли участки хлопковых полей (в том числе и глубоким старикам), намекали, что они могут привлечь помощь для сбора хлопка. Все было так шито-крыто, как только бывает шито-крыто на Востоке, и теперь Узбекистану вновь предстояло пройти проверку на благонадежность. Отвернуться, когда американцы будут делать здесь свои дела.

Да, Узбекистан был богаче. Дорога, на которой они стояли, была расположена в самом Андижане и была прилично замощена, были видны следы кусочно-ямочного ремонта, но ям не было. Между полосами дороги был высокий, больше четырех футов, стальной забор, видимо, чтобы не перебегали через дорогу где попало. С той стороны, где они стояли, Алексу было видно здание банка. Угловое, высокое, сложной архитектуры, этажей пять в высоту, полностью облицованное стеклопанелями золотистого цвета. Вывеска гласила: Наманган-банк, она была на английском языке.

Сложнее было с машинами. Ни один из них не был ни разу в Узбекистане и не знал, как тут с машинами. В Кыргызстане с машинами было как везде в этих краях – старые советские, новые китайские, подержанные японские, изредка дорогие «Мерседесы». А тут все машины были одного вида. Белые, часть из них – это маленькие, белые микроавтобусы, в которых непонятно как может поместиться шесть человек – японцы, наверное, помещаются. Потом маленькие, тоже белые хэтчбеки, поновее – европейские «Шевроле» местной сборки и больше всего – каких-то старых по дизайну, но новых и чистеньких автомобилей-седанов. Похожих на советские, но явно не советские. Тэд пошутил, что на такой, наверное, его мама ездила, но было не смешно. Машин было немного, в толчее не затеряешься – и они со своим серебристым джипом были как прыщ на заднице...

– Эй, – снова сказал Тэд, – я тут вспомнил один анекдот, его Рейган рассказывал на выборах восемьдесят четвертого года...

– Ты что, уже достаточно взрослый, чтобы голосовать на выборах? – пошутил Алекс. – По виду так и не скажешь.

– Нет, я просто коллекционирую анекдоты, чтобы налаживать отношения с местными. Так вот – суть анекдота в чем. Россия, восемьдесят пятый год. Русский пришел в автомагазин, чтобы купить себе машину. Все оформил, ему говорят: «Приходите одиннадцатого февраля девяносто пятого года за машиной». Русский почесал в затылке и спрашивает: «Утром или вечером?» Продавец спрашивает: «А что, есть какая-то разница?» Русский отвечает: «Да, есть. На этот день на утро я вызвал водопроводчика...».²

² Рейган и в самом деле рассказывал такой анекдот избирателям на перевыборах 1984 года. И к сожалению, в СССР машины приходилось ждать годами. Мы уже этого и не помним, но это так и было.

Тэд засмеялся, но один, и его смех угас, как свеча на ветру.

– Извини, брат... Я не подумал.

– Да ладно...

Бывший морской котик поежился.

– Здесь, б..., как в коммунизм попал. Только с восточным колоритом.

– Да уж... Это не он, случаем?

– Не знаю...

Один из таких седанов подрулил к их внедорожнику сзади и остановился.

– Так, повнимательней, давай...

У всех у них было оружие в сумках – и все они были готовы его применить.

* * *

Майор Итан Блэк сидел в китайском джипе на водительском сиденье, и мысли его были тоже невеселые. В отличие от его людей, обычных американских парней, которые должны были где-нибудь трудиться на полную рабочую неделю, а вместо этого играют в Джеймсов Бондов в этой срани, он был уже достаточно опытным и мудрым, чтобы понимать, что происходит, и делать выводы. Он повидал всякого – и неподвижные, змеиные глаза сирийского боевика-фанатика, за спиной которого не меньше десятка убитых американских солдат, и растерянные глаза двадцатилетнего американского морского пехотинца, который только что потерял друзей в подорванной бронемашине, а сейчас сидит в грязной придорожной канаве, по которой из зеленки хлещут огнем из «АК-47». Все здесь происходит по одному гребаному сценарию: местные диктаторы хотят жить, как живем мы, а на людей им попросту плевать. Местные диктаторы завинчивают гайки, пока их в конце концов не сорвет. А потом... потом полный п...ец бывает.

Нет выхода. Нет этому конца и края. Все, что хотят местные, – полного беспредела, и они и в самом деле этого хотят. Мы решили, что мы можем вечно жить хорошо, а они могут вечно жить плохо, и все это будет продолжаться и продолжаться. Но у нас хватило ума дать им телевизор и компьютер, и они видят, как мы живем, и ненавидят нас. Просто за то, что мы живем не так, как они. Здесь не надо искать какой-то гребаной правды, правда в том, что у нас есть много чего, чего у них нет. И они хотят прийти и отнять это. И все это будет продолжаться до тех пор, пока кто-то не нажмет кнопку и не прекратит все это разом.

Проблема в том, что он никому это не может сказать. Его просто не поймут. Гребаная политкорректность, так ее мать. Один аналитик заявил, что Гульбеддин Хекматъяр – умеренный исламист. Это Хекматъяр-то! Человек, который встал на джихад в конце семидесятых! Террорист, убийца, военный преступник, наркоторговец. Если этот умеренный – то какие же тогда радикальные? И самое страшное – осознание бессмысленности собственных действий. Он, профессиональный разведчик, не может завербовать никого, кто бы мог что-то изменить. На уровне уезда, провинции, всего Афганистана, всего мира. Никто не может. Нельзя сделать так, как англичане – разложив ИРА³ предательством и вербовками на высшем уровне. Не выйдет. Это невозможно потому, что «Аль-Каида» и «Талибан» выражают волю людей, которые здесь живут. Не всех, но очень значительной части. Если они перестанут ее выражать – люди просто пошлют их подальше и найдутся новые борцы. Вот так вот...

И этот козел не торопится...

Ему было жаль тех парней, которые сейчас с ним. Он-то уже понял, что все бесполезно, а они еще нет. Они, наверное, еще думают, что здесь что-то можно изменить. Проклятое американское мессианство. И проклятые американские политики. Неужели они еще не поняли, что

³ Ирландская республиканская армия.

здесь ничего не изменить словами, что нельзя просто прийти и сказать: ребята, давайте жить правильно, по-новому – и думать, что это то, что нужно. Надо просто оставить эту чертову землю русским. В конце концов, они тоже имеют право на свой фунт мяса. Хрен с ним, пусть строят здесь коммунизм, капитализм... что хотят. Если они тут как-то держали ситуацию семьдесят лет – пусть и дальше держат. В конце концов, Америка не может одна отвечать за все...

Ага, есть, кажется...

Белый седан, один из тех, которые колесят по местным дорогам, аккуратно припарковался сзади. Майор подвинул зеркало и положил руку на пистолет.

Местный подошел со стороны водительского места. Лет тридцати, плотный, безбородый с плоским, как блин, лицом и узкими, монголоидными глазами. Европейская рубашка с коротким рукавом, брюки. Постоянно улыбается, хотя лучше бы этого не делал. Его зубы могли привести в ужас любого американского стоматолога, но сюда современные понятия о гигиене полости рта еще не добрались.

– Хай, ай эм Анвар, ай эм фром Майкл, о'кей? – волнуясь, сказал он. Язык был приличным. Как передали из посольства в Ташкенте, парень работал в гостиничном бизнесе, менял у туристов валюту. Здесь это шикарный заработок: валюту можно поменять в гостинице, но по официальному курсу. Законопослушные иностранцы не видят подвоха – раз государством установлен такой курс, значит, надо подчиняться. Есть и неофициальный – выйдя из гостиницы, гостиничные работники тут же сдают валюту по курсу неофициальному, который на тридцать-пятьдесят процентов выше официального. Так за месяц набегают еще полтора-два жалования. На этом, собственно, и вербовала людей местная станция, обещая валюту по официальному курсу. Большей частью они дули в две стороны, и местным безопасникам тоже, но с этим ничего не поделаешь. Сэ ля ви. Такова жизнь, и всем нужны американские доллары.

Еще, как поделился парень с Манаса, работавший как раз в Ташкенте и улетавший в отпуск, местные власти, несмотря на инфляцию, упорно не печатают купюры номиналом покрупнее, и для того, чтобы купить лепешку, надо отдавать целую пачку денег, а на базар идти с целой сумкой. Идиотизма хватает...

– Хай, ай'м Итан, – американец протянул руку, – хау'з Майкл?

– Хи из о'кей энд сенд хеллоу ту ю. Соу, летц гоу...

Американец огляделся по сторонам, давая незаметно знак, что все в порядке.

– Хей, мэн... – сказал он с сомнением в голосе, – ай нид ту парк зыс кар, о'кей? Ин сейф плейс. О'кей?

Узбек закивал:

– Оукей, о'кей. Ноу проблем...

Хотелось бы, чтобы не было проблем. Хотелось бы...

...Сейф плейс, или охраняемая стоянка, нашлась как раз рядом с банком. Получив десятидолларовую бумажку, сторож был так рад, что чуть не подпрыгивал, и заверил, что с машиной ничего не случится...

Правда, теперь у них была только эта подозрительная машина. Не европейская, маленькая. Совсем не для пятерых взрослых мужчин. Но и предупреждать о своем появлении тоже не годилось. Майор был стреляной птицей и знал, что каждый особо важный объект охраняют. Дукандор, бача с сотовым. Все, что им нужно, – позвонить и сказать, что в районе появились какие-то неизвестные. И большие неприятности обеспечены.

– Так... А эта машина нас пятерых выдержит? – спросил Тэд, с подозрением глядя на распахнутую дверцу.

– Хорош болтать, садись... – оборвал командир.

Тэд пролез посередине – он был тощим и одновременно длинноногим, ему там самое место. Алекс сел к двери, с трудом закрыл ее. Мано с другой стороны. Майор впереди.

Поехали...

Они выехали на ту же дорогу, неспешно покатали по ней. Транспорта было мало, о проблемах нечего было и говорить. Почти нет грузовиков, а те, что есть, – старые, советские. Почти нет автобусов...

Здания по обе стороны дороги – старые, но ухоженные. Современные отделаны стеклопанелями, здесь такая мода. Архитектура вовсе не арабская и не восточная – скорее средиземноморская или даже европейская. Нет ни следа ужасающих трех- и пятиэтажек-курятников, которые строили русские везде, где появлялись. Дома сильно напоминают таунхаусы,⁴ только без обязательного гаража внизу. Здесь не принято пользоваться машинами, как в Америке, – здесь машина, видимо, равноценна недвижимости, если не дороже. Это обычно для постсоветского пространства – все-таки русские много строили.

Чисто, в отличие от Кыргызстана нет грязи. Нет и такой навязчивой придорожной торговли – первого признака обнищания.

Они свернули направо. Проехали мимо ресторана, вывеска на котором тоже была на английском. Поехали дальше. Снова свернули. Высокий, в четыре этажа, странной архитектуры дом, на первом этаже магазины. Почти европейский, не панельный, постройки тридцатых-сороковых. Около него стояли те самые микроавтобусы: они используются для перевозки грузов, а больше, видимо, возить не на чем. Они проехали справа от дома...

– Вот из ит? – спросил майор, напрягшись.

– Донт ворри? – заверил водитель. – Зис из махалля. Хиар из ауа френдс. Зей хелп ас.

Свежо предание...

Дальше шли, видимо, более нищие кварталы. Одноэтажные домики, такое ощущение, что они врастают в землю – не видно фундамента. Кирпичная кладка – и что самое удивительное, у некоторых нет окон. Наверное, окнами во двор. Нет заборов в отличие от таких же районов в афганских городах, домишки жмутся друг к другу. Стены чисто выбелены, деревья тоже выбелены внизу. Почти нет людей.

Они сделали поворот. Потом еще. Майор вдруг понял, что они могут не выбраться отсюда без посторонней помощи, заплутаются. Хотя у него в кармане был коммуникатор, писал маршрут.

Еще поворот. Они остановились рядом с каким-то домом, здесь было что-то вроде внутреннего дворика, по крайней мере скамейки наводили на такую мысль. Было чисто, ухожено, в конце улицы рабочие что-то делали, и рядом стоял старый советский грузовик, кабиной похожий на американские пикапы середины шестидесятых.

– Хиар из ауа френдс... – заверил водитель, выходя из машины.

Щелкнул замок двери – майор приоткрыл свою дверь, и Алекс сзади – тоже.

Из дома вышел местный, бородач лет сорока, с черной окладистой бородой. Точно в такой же белой рубашке с короткими рукавами. Водитель подошел к нему. До них было метров пять.

– Это они? – спросил он по-русски.

– Да, – ответил их водитель.

Алекс понял, что сейчас будет. Потому что он в совершенстве знал русский язык – в этом и заключалась промашка террористов, они начали привычно общаться на русском, думая, что никто из американцев им не владеет. Но Алекс была его кличка, а так его звали Александр, и его родители эмигрировали в Америку в девяностые. Его отец служил в частях ВДВ точно там же, где двадцать лет спустя будет служить его сын, – в Кандагаре.

– Хорошо. Отвлеки их.

Так и есть. Краем глаза он заметил, как рабочие у грузовика бросили работу.

– Тревога! – крикнул он, выбрасываясь из машины.

⁴ Коттедж на две семьи.

Все было как в замедленной съемке. Вот – он перекатывается по земле, пытаясь поймать цель в прицел своего «M11A1».⁵ Вот падает вправо бородатый, таща что-то из-за спины. Вот пистолет дергается, и на животе водителя появляется черная дырочка, откуда начинает сочиться кровь. Вот вторая пуля попадает в спину так и не понявшему, что к чему, водителю. Вот рядом с машиной неизвестно откуда появляется еще один местный, похожий на монголоида, с чем-то, напоминающим «узи» в руках. Он пытается поймать цель – но не успевает: пистолет рывкает еще два раза, и красное облачко от его головы повисает в воздухе...

– Твою мать!!!

Майор успевает покинуть машину, но не выброситься из нее, он стоит в полный рост. Тоже выхватывает пистолет. Остальные ничего не успевают. Алекс бросает взгляд вправо – и холодеет от ужаса. Один из «рабочих» стоит на колене, и на плече у него короткая труба реактивного гранатомета...

– Ложись! – Алекс стреляет, но не успевает. Труба окутывается дымом, и граната стартует по направлению к цели...

Взрыв.

Ракета реактивного гранатомета, пущенная с четырех десятков метров, точно попала в цель. Машина подпрыгнула и взорвалась фейерверком огня. Одновременно вылетели все стекла, ударной волной сорвало часть крыши. Затем ярость взрыва уступила жару ревущего пламени, методично пожирающего все, что могло гореть. В том числе и человеческую плоть – Мано и Тэд остались в машине, не успели выбраться. Майор лежал навзничь рядом с машиной без движения, и одежда его дымилась. Он единственный не был задет взрывом, потому что лежал на земле...

Вскочив на ноги, Алекс кинулся на помощь. Через пелену ревущего пламени, через черный дым был виден бегущий к машине второй террорист, в руках у него был «АК-47».

Увидев через пламя и дым целящегося в него американца, он вскинул автомат и попытался затормозить, но было уже поздно. Его очередь, неточно пущенная на бегу, прошла левее, а три выстрела американца – все три попали в цель. Боевик споткнулся на бегу и упал, пропав носом землю...

Чертова одежда – на ней не было стропы для эвакуации раненых, но Алексу все равно удалось оттащить командира под прикрытие стены и перевернуть. Майор открыл глаза, он был жив.

– Оставь меня здесь и уходи...

Алекс достал из сумки автомат и повесил его на ремень, откинув приклад так, чтобы прижимать его локтем при стрельбе. Перезарядил пистолет и сунул его в карман. Сунул за ремень снаряженный магазин. Еще два были в сумке, которую он закинул за спину на манер рейдового рюкзака.

– Со всем уважением, сэр... идите на х...

Он поднял майора и закинул его руку за шею так, чтобы тот мог держаться. Мельком заметил лежащий рядом с мертвым бородачом пистолет Токарева, бессмысленные глаза, уставившиеся в небо...

Твари...

Дверь дома, откуда вышел бородач, он открыл пинком. В доме был пол, нормальный, не земляной, было темно...

Он потащил майора по коридору. Пнул одну дверь... за ней какие-то дети совершали намаз, старательно читая ракаты. Пнул другую – там, поджав ноги под себя, по-турецки сидел какой-то старик...

– Где еще дверь? – по-русски спросил Алекс.

⁵ SIG P228.

Старик ничего не ответил, он сидел с таким видом, будто его это ничего не касалось. Смотрел пустыми глазами – это напускное, не дай бог кому увидеть, какими становятся эти глаза, когда белый человек пойман врасплох, беспомощен и без оружия...

Алекс выстрелил в пол. Выстрел из автомата в ограниченном пространстве больно ударил по ушам, ударилась о стену и покатилась по ковру стреляная гильза.

– Убью, тварь джамаатовская! Где выход?

Старик показал – дальше по коридору.

Дальше по коридору был тупик и только одна дверь, налево, видимо, на женскую половину. Там, за занавеской, несколько женщин, возможно, и девочек. Черные чадры, мертвая неподвижность. Просто стоят, готовые на все...

Он увидел дверь – по всем прикидкам она вела вон из здания. Показал автоматом.

– Пошли вон! Зэй!

Еще ножом ударят...

За этой дверью оказалось что-то вроде кладовой, где были какие-то мешки и не было света. Но там была еще дверь, он пнул ее посильнее и оказался в небольшом садике с плодовыми деревьями. Плоды уже убраны – осень. А дальше калитка...

За калиткой улица. Мертвая тишина. Нет ни людей, ни детей, ни животных – ничего. Все исчезло, все – по домам, но стоит только дать клич...

Эта зловещая тишина, прерываемая лишь шумом сирен где-то, хуже перестрелки.

Алекс осмотрелся. Потащил своего командира примерно туда, откуда они прибыли, рассчитывая выйти на улицу, к людям.

За поворотом их ждали. Еще одна машина, такая же, как та, на которой они приехали, перекрывшая дорогу. За ней – два человека, с автоматами...

Огонь они открыли одновременно. На такой дистанции пистолет даже опаснее автомата, если уметь стрелять, – военные почти нигде, кроме Америки и Израиля, из пистолета стрелять не умеют. Он первым же выстрелом навскидку снял тупо частящего из автомата ублюдка – вся голова над капотом после первого же выстрела красным брызнула. В следующее мгновение их ударило, он не удержался и упал на мощенную бетонными плитами землю вместе с майором. Второй автоматчик за машиной потерял цель, а вот ему отлично было видно колено рядом с колесом, и он протянул руку и дважды выстрелил. Террорист закричал, он выстрелил третий раз и четвертый...

Он начал проверять себя и понял, что каким-то чудом не ранен. Автоматные пули попали в майора Блэка, убив его наповал. Его же опять сохранило что-то, как тогда, в Кандагаре, когда по нему промахнулся снайпер. Он был жив, хоть и в крови – в чужой крови.

– Извините, сэр... – сказал он, закрывая глаза третьему на сегодня американцу, погибшему в этой гребаной мать ее стране.

Прогулочным шагом он зашел за машину. Один террорист был мертв, второй, тяжело раненный, с короткой бородкой, с пробитой ладонью и в крошево разбитым коленом, увидев его глаза, завизжал от ужаса.

– Не стреляй, русский! Не надо!

Почему-то он безошибочно определил его как русского. Алекс выстрелил – и крик оборвался.

Подобрав оба автомата, он бросил их в машину. Рядом с ними лег третий – его собственный. Коробка – стик,⁶ но он умеет, отец учил его водить именно на такой...

Он прислушался. Сирены были все ближе, полиция вот-вот должна была появиться...

⁶ Ручная коробка. Многие американцы вообще не умеют ездить на таких машинах.

Коробка с хрустом поддалась, включив задний ход. Развернув в узком проходе машину, он поехал в направлении, противоположном тому, куда они шли, в глубь махаллей. Тела остались лежать на земле...

Север России. 1 мая 2020 года

Самолет был довольно старый, ушатанный, но еще годный. «М28», польский, в США он носит обозначение «С145А», и активно используется спецназом... точнее, использовался в Афганистане.⁷ В оригинале он рассчитан на пятнадцать парашютистов с тяжелым грузом, сейчас мест было только десять. Сзади у широченного, американского стандарта грузового люка была установлена пулеметная спарка из двух пулеметов «М50»,⁸ около них находился пулеметчик – совсем как в Южной Родезии, только тогда в качестве платформы использовалась Дакота. Пристегнутый широким фалом, чтобы не вывалиться, пулеметчик бездумно смотрел на сырую, цвета прелой селедки, искореженную варварской добычей полезных ископаемых землю. То тут, то там попадались яркие мазки буровых, сломанные и брошенные за ненадобностью китайские самосвалы – это оживляло пейзаж. Открытый настежь люк нес в самолет запахи сырости, нефти и гари...

– Долго еще? – проорал Алекс, стараясь перекричать моторы и гудящий воздух.

Пулеметчик показал на пальцах полчаса. А потом неизвестно чему улыбнулся...

И чего тут смешного, спрашивается...

Чтобы отвлечься, Алекс отвернулся и бездумно уставился в окно...

Цена на нефть на торгах в Нью-Йорке вчера перевалила за двести сорок долларов за баррель, это новый годовой рекорд. По всему Ближнему Востоку бушует террористическая война. Каждая караванная проводка – как боевая операция, то и дело обстреливаются вышки, резервуары, подрываются трубопроводы... Под угрозой добыча в Каспийском море, точнее, не добыча, а транспортировка. Афера по сланцевой нефти была раскрыта окончательно: долгие годы нефтедобытчики сознательно занижали себестоимость нефти: оказалось, что себестоимость уже на скважине превышает девяносто долларов за баррель. И это – если не считать отдаленные экологические последствия – если закладывать их, то как минимум сто тридцать и без гарантий. Понятное дело, что Америка, пусть и из последних сил, будет брать под контроль любые месторождения, до которых в состоянии дотянуться. И понятное дело, что при цене двести двадцать – двести сорок за баррель у нефтяных компаний найдется чем заплатить парням, обеспечивающим безопасность...

Круговорот денег в природе. Парни в тюрбанах качают свою нефть и нанимают ублюдков с бородами и «АК-47», чтобы нефть стоила дороже – как можно дороже. Чтобы подрывать танкеры и месторождения друг друга. Их нефтяные компании нанимают их, чтобы они охраняли месторождения, чтобы можно было качать нефть и зарабатывать на этом. Разница если и есть, то небольшая...

Черт...

Кружилась голова. Крайняя контузия в Казахстане давала о себе знать. В принципе, можно было послать все подальше и уйти. У них в компании, как и в САС, предельный возраст оперативника сорок лет, далеко не во всех так. Дальше ты можешь быть инструктором, советником, менеджером, но не оперативником. Но когда ему предложили Россию, он согласился. Причины этого он держал глубоко в себе...

Черт бы все побрал...

⁷ Самолет удивительной судьбы. В оригинале это «Ан-28», построенный на замену «Ан-2», затем его производство было передано в Польшу, затем на него поставили движки Пратт-Уитни Канада, американскую авионику и приняли на вооружение в США. Активно используется силами американского спецназа в Афганистане, очень уважаем за свою способность взлетать с обычных и не самых ровных дорог.

⁸ «М50» – пулемет калибра 12,7, сделан на основе авиационного «Браунинг М3», но есть и наземный вариант. Отличается очень тяжелым и живучим стволом и сумасшедшей для крупнокалиберного пулемета скорострельностью – 900 выстрелов в минуту.

* * *

Их самолет жестко ударился колесами о бетон, пробежал немного и пополз на стоянку. Его никто не сопровождал, через окно были видны вперемешку «Боинги», какие-то русские самолеты и грузовики – Кандиды, Кубы⁹ и «С130» в гражданской версии «L100». Сам аэропорт представлял собой современное, модерновой архитектуры здание, в котором крыша была изогнута наподобие волны. Однако поставленные кое-где около самолетов вооруженные охранники да заграждения из мешков с землей HESCO навевали воспоминания о Баграме.

Только гор здесь не было. Лес, переходящий в суровую, северную степь, да неприветливое серое небо...

Второй Багдад...

На стоянке их ждали три внедорожника «Тойота Ленд Крузер 300». Матово-белые, с тонированными стеклами, чуть просевшие вниз – наверняка бронированные. Четвертым стоял микроавтобус «Фольксваген» в дорогой, полноприводной комплектации.

Человек, известный в тесном мире частной военной охраны, проще говоря, наемников, как Алекс Сэммел, стряхнул с багажной полки большую черную сумку. Пулеметчик отодвинул турель своего оружия в «походное» положение, и Сэммел без труда прыгнул на бетонку. Мельком отметил, что под ногами цвет бетона несколько отличается кляксой – как будто чинили место подрыва.

Из «Тойоты» показались охранники. Следом выбрался сам Ларс Густафссон – мощный, седой, с костистым носом на вытянутом, лошадином лице. В молодости он, наверное, был совершенным уродом, но сейчас седая, не по-уставному длинная шевелюра облагораживала его лицо, делая его похожим на университетского профессора, которым он не был. Швед по национальности, он родился в соседней стране, в Норвегии, и проходил подготовку в SEAL, потому что служил в норвежском подразделении морского спецназа. Из Литтл-Крик он вернулся с запиской – заберите его, а то мы сами его заберем. Проявил он себя в Афганистане – там, где стояла его часть, его именем пугали детей. Из армии его, конечно, быстро вышибли – то, что он делал, не имело никакого отношения к толерантности, даже боком. Но работу он нашел сразу – благодаря старым знакомым из Литтл-Крик. Сэммел менял его на очень высокой должности – менеджера региона.

– Салам алейкум... – сказал он.

– Ва алейкум ас салам... – у шведа были длинные и сильные руки, как у обезьяны, и с ними он был поразительно силен и быстр, – а я-то думал, кого пришлют. В офисе все хранили загадочное молчание...

– Это ссылка или повышение? – спросил Сэммел.

– Да как сказать. Если тебе нравится читать газету без света в три часа ночи, то это твое место, брат. Что касается меня, то я здесь замерз.

– Замерз?!

– Точно, – швед подмигнул, – хочу погреть свои старые кости. В каком-нибудь горячем местечке. Это все твои вещи?

– Да.

– Тогда бросай их в тачку и поехали...

Алекс обернулся, чтобы посмотреть на своих людей-контрактников, которые ехали на замену. Это были его люди, и он был обязан позаботиться о них.

– Не переживай, брат. Бус для них, он отвезет их на базу. А нам – в офис. Садись...

⁹ Кандид – «Ил-76». Куб – «Ан-12».

Алекс перевел взгляд на здание аэровокзала и вдруг понял, что вон та вон черная точка на краю крыши – это снайпер. Снайпер, скорее всего, с винтовкой-полтинником, который прикрывает летное поле. Наверное, он не один.

– Чего уставился, поехали... – нетерпеливо крикнул швед.

* * *

На трассе конвой развил скорость в сто десять в час – километров, конечно, не миль. Дорога летела под колеса, все это снова чертовски напоминало Багдад, только вместо песка и нищих хижин – зелень, перемежающаяся кое-где пустошами и стальными нитями трубопроводов. Зеленый и серый вместо желтого и бурого цветов. По обочинам стояли полицейские машины, русские, у полицейских были армейские автоматы и бронежилеты открытого ношения, сами полицейские машины представляли собой внедорожники, похожие на китайские. Их они не тормозили, несмотря на то, что скорость они явно превышали. Все это опять-таки напоминало Багдад, где главным правилом движения было жми на газ, пока машина едет, да посильнее, парень. Здесь было много грузовых машин, в основном бескапотных, европейских и китайских. Легковые тоже были европейские, много дорогих внедорожников. Судя по всему, русские предпочитали «Тойота Ленд Крузер» и «Порше Кайенн». Не было похоже, что тут идет война.

Тогда зачем снайперы? Зачем заграждения на поле? Зачем здесь самодельные ганшипы?

– Тихо здесь? – спросил Сэммел.

– Все относительно. В офисе поговорим...

* * *

Город оказался одновременно и красивым, и в чем-то необычным, и в то же время уродливым. Уродливым в нем было то, что не было меры – много красок, много вызова, много цвета. Больше ничего уродливого не было, кроме советских домов-скворечников, мимо которых они проскочили на скорости – такие были в Кабуле. А так... город и окрестности были плоскими, без гор и холмов, улицы довольно широкими, строения в основном необычной архитектуры. Мелькали знакомые названия – он увидел логотип «Метро», крупной европейской продовольственной сети. Машин тоже было много, правила движения в основном соблюдали. Здания советской еще архитектуры перемежались с чисто европейскими, шикарными. Было видно, что в городе водились деньги – и немалые.

Тогда что тут не так?

Они проскочили мимо высотки с логотипом «Халлибертон»¹⁰ – и свернули куда-то во дворы. Почти сразу же остановились – чек пойнт, мешки с песком, охрана. У охраны открыто автоматическое оружие.

Густаффсон не опустил стекло, а приоткрыл дверь: машина была бронирована, стекла не опускались.

– Один человек со мной.

– Ларс...

Алекс протянул пластиковую карточку. Теперь тут менеджер он – и важно правильно поставить работу с самого начала. Не важно, какие порядки установил тут его шведский друг, но он считал, что порядок должен быть один для всех, безо всяких исключений. А начи-

¹⁰ Многопрофильная компания. Строительство, нефтесервисные услуги, но главное – освоение американского бюджета. Директором «Халлибертон» одно время был Ричард Чейни.

нать наводить порядок надо с себя, и предъявлять карточку как рядовой работник – неплохое начало.

– Спасибо, сэр, – охранник прокатал карточку, – добро пожаловать...

Машины сразу свернули направо и остановились. Забор был высоким, не меньше десяти футов, бетонным и с системой контроля периметра, а кроме того, лишние взоры отсекало натянутое белое полотнище, трепетавшее от ветра. Что, все так серьезно?

Подозрения усилились, когда они прошли в холл. Здание раньше явно не было предназначено для размещения такого рода служб и не было рассчитано на такие меры безопасности. Весь холл был перекрыт кирпичной стеной, в ней было две двери. Одна, очевидно, открывалась только изнутри, а рядом с другой был терминал системы доступа. Доступ осуществлялся методом двойного контроля – карточка и отпечатки пальцев.

Они прошли внутрь. Здание было шикарнее, чем обычно выделяется для охранных служб: чаще всего им перепадает какое-нибудь здание с вынесенными рамами, казарма, в котором еще не осела пыль от перестрелки, а они уже закрывают окна, системщики тянут кабели и настраивают связь, стены закрывают толстой пленкой – и вот у вас появляется некое подобие уюта в раздолбанном нахрен войной мире. Здесь на стенах были обои, кабели не ветвились под ногами, не было следов от пуль и работали кондиционеры. Несмотря на то что это север, под солнцем было уже жарковато.

– Окна открывать нельзя... – прокомментировал швед, – налетят насекомые, потом не выведешь и покоя не будет.

– Что за насекомые?

– Увидишь. Нам сюда...

В приемной была ассистентка, довольно миленькая, русская на вид. Ларс прошествовал мимо, буркнув «кофе». Он был известным грубияном, но женщины его любили...

За дверью был обычный кабинет чиновника средней руки. С жалюзи, прикрывавшим бронированные стекла, кондиционером, картой и проектором, столом для совещаний. На столе целых два стационарных монитора и «тачбук», защищенный армейский компьютер, ни к чему не подключенный. Швед немедленно поставил его на подключение, показал на ряд стульев.

– Одежду бросай сюда. Пара часов есть, потом поработаешь сам – у меня все-таки два дня еще здесь. Завтра представлю тебя тем, с кем придется работать.

Сэммел огляделся.

– Черт, почему-то хочется обратно. В какой-нибудь долбанный «-стан».

– Как скажешь, друг. Как скажешь...

Вошла ассистентка, с кофе и кофейником. Не говоря ни слова, поставила все на стол и удалилась. Кофе был вкусным – «якобс», европейский, не та американская дрянь из кофемашины, по вкусу напоминающая настой на сигаретных окурках...

– Вопросы есть?

Сэммел хмыкнул:

– Это еще мягко сказано. Что здесь ко всем чертям происходит?

Швед кивнул:

– Отличный вопрос. А главное – своевременный. Ты видел полотно на входе?

– Да.

– Его повесили после того, как на одной из башен – это тут так высотные здания зовут – мы обнаружили лежку снайпера. Он, видимо, пришел на рекогносцировку, но не знал, что у нас есть прибор, засекающий оптику. Работает он круглосуточно. С другой стороны, мы тоже облажались – взять его не смогли, спугнули. Тысяча сто метров.

Сэммел присвистнул.

– Солидно.

– Местные, автохтонные народы – почти все отличные снайперы, с детства держат оружие в руках, но дело не в этом. Нас всех заказала чеченская община.

– Чеченская община? – Сэммел подумал, что ослышался.

– Точно, она самая. Вообще-то там не только чеченцы, но мы их называем всех одинаково: чеченская община. Русские в свое время наняли их для работы на месторождениях, потому что так было дешевле. А часть – переехали сюда сами, начали здесь заниматься бандализмом. Эксон Мобил с ними настрадалась, хотела вышибить к чертовой матери – так они устроили митинг, сукины дети. А местный комиссар ЕС пригрозил, что если их не наймут обратно, то Евросоюз введет санкции против Эксон Мобил. Такие вот дела. Пока забирай этот компьютер, я тебе поставил доступ в центральный файл. Вон там комната отдыха, садись и читай. А я тут пока порешаю...

* * *

После часа с лишним, проведенных в изучении центрального файла, содержащего данные по системам и процедурам безопасности, применяемым в регионе, и участия в оперативном совещании, Сэммел почувствовал, что еще немного – и голова его точно взорвется.

Все началось в 2017 году – по злой иронии судьбы ровно через сто лет после начала русской коммунистической революции. К власти совершенно неожиданно пришли прозападно настроенные политики, поддержанные ЕС и Соединенными Штатами Америки. Они провозгласили намерение идти по пути превращения России в парламентскую демократию западного типа, свободу слова, решимость бороться с коррупцией. Прошли массовые аресты коррупционеров прежнего режима – по сведениям, предоставленным западными спецслужбами, данные были полные и вполне достаточные для обвинительных приговоров в любом суде. Тогда же Россию, видимо, по каким-то негласным договоренностям немедленно приняли в ЕС и пообещали до 2020 года принять в НАТО. Но с одной оговоркой – если у России не будет территориальных проблем и конфликтов.

Новая властная команда принялась решать проблемы с поразительной быстротой и вот на этом-то как раз и срезалась. Сам Алекс Сэммел был русским, причем русским и по отцу и по матери, и хорошо понимал, что произошло. Сначала был огромный энтузиазм, который поутих с тех пор, как Японии отдали острова в обмен на заключение мирного договора. Но это было еще не катастрофой. Катастрофой стало то, когда новое правительство приняло решение о превращении России в асимметричную конфедерацию – с предоставлением кавказским республикам и, по настоятельной просьбе, Татарстану, Башкортостану и Сибири статуса членов Союза. Слово «конфедерация» не произносилось, за основу политического устройства был взят Евросоюз: единая валюта, отсутствие границ, единые стандарты, свободное перемещение рабочей силы и капиталов, общее политическое руководство и, в отличие от ЕС, единая армия, то, о чем европейцы так и не смогли договориться. При этом сильные национальные республики, большая часть налогов остается на местах, свобода политических партий и блоков, сильная местная полиция при одновременном наличии полиции федеральной и жестком разграничении полномочий. То есть национальным объединениям был предоставлен фактически независимый статус, но под сильным общим зонтиком безопасности. Чем-то эта политическая структура напоминала даже не ЕС, а США, но ее реализация почти сразу привела к катастрофе.

Сразу взорвался Кавказ. Кавказские квазигосударства моментально объединились в непредусмотренный политической конфигурацией единый блок – Конфедерацию горских народов Кавказа. Этот блок моментально заявил права на Ставропольский край, Кубань и Ростов-на-Дону как на исконные кавказские земли. При этом чисто кавказская и в то же время христианская Осетия заявила о готовности сражаться против КГНК до последнего осетина, а

Кабардино-Балкария раскололась и полилась кровь. Сидевший в Москве Высокий комиссар ЕС Альваро Беннетт не только не оценил всю опасность ситуации, но и приветствовал «пересборку Кавказа». Почти сразу начался исход русских, они собирались как раз на Ставрополье и на Кубани, где получали оружие и вступали в этнические вооруженные формирования. Вместе с ними ушли и те из кавказцев, которые служили в России, в том числе в Чечне и Дагестане. И все они тоже взяли в руки оружие.

На этом – на европейском пути России можно было ставить крест. Алекс Сэммел отлично понимал, чего никогда не простят и не поймут русские: слабости. Вероятно, конфликт на Кавказе можно было как-то урегулировать. Тем более что сменивший темпераментного и восторженного испанобританца Беннета на посту Высокого комиссара ЕС немец Хайнц Грубель недвусмысленно заявил, что продолжение дестабилизации Кавказа и Предкавказья со стороны отдельных лиц может повлечь за собой операцию по наведению мира с участием сил НАТО. После первой же поездки в кризисный регион он фактически предъявил ультиматум, и большая его часть касалась Кавказа: распустить нелегитимные органы власти, немедленно разоружить все незаконные вооруженные формирования, сдать оружие, допустить в регион международных инспекторов и следователей для расследования случаев преследования, убийств и геноцида, прекратить поддержку радикального ислама, оказать содействие в задержании лиц, исповедующих агрессивный ислам и виновных в уголовных преступлениях. Для любого, кто знает Кавказ, было понятно, что требования эти невыполнимы, и для кавказца пойти на такое – значит перестать быть кавказцем. Вместо ответа начались новые акты насилия, а потом – взорвалась Москва. Нового, проевропейски настроенного президента страны буквально разорвали в районе Останкино, куда он пытался прорваться для того, чтобы обратиться к народу. Вакханалия расправы с мгновенно ставшей ненавидимой властью превратилась в межэтнические расправы с большими человеческими жертвами. Пришедшее к власти военное правительство объявило о выходе из ЕС, объявлении на всей территории страны режима чрезвычайного положения и аннулировании всех, взятых предыдущим правительством международных обязательств. Практически сразу после этого Кавказ и Татарстан объявили о своей полной независимости, Татарстан вдобавок о том, что желает быть членом ЕС по-прежнему, а по стране прокатились погромы, грабежи и межэтнические столкновения.

Что же касается их миссии – правительство России в 2018 году разделило «Газпром», вернуло активы «ЮКОСа» и провело ряд международных тендеров на разработку месторождений севера России и Сибири. Все их выиграли международные компании, так называемые «мейджоры» нефтяного рынка. После начала беспорядков в России цена на нефть за несколько дней возросла с двухсот десяти до двухсот сорока, а потом и двухсот пятидесяти долларов за баррель. Потом нефтяники пришли к новому правительству России и сказали, что бизнес есть бизнес и они готовы платить на тех условиях, о которых договоримся, и не важно кому. В итоге выплаты в пользу российского правительства были повышены, что в условиях резкого роста цен на нефть проблемы не составило, а в Россию были приглашены компании по обеспечению безопасности. Не просто так представители Кавказа, чью нефть (чеченскую) российское правительство заблокировало, заявили, что ответят волной терроризма по всей России и прежде всего на сырьевых приисках, если их требования не будут выполнены. В том числе и территориальные – они почему-то считали, что Кубань и Ставрополье являются горскими территориями. Сразу после этого, с согласия русских, охрана была значительно усилена, сюда перебросили специалистов с боевым опытом. Собственно говоря, на юг ехал Густаффсон – он получил назначение менеджером на Ставрополье, где концентрировались нефтяные объекты, связанные с разработкой огромных, недавно открытых месторождений Черного моря. И если Сэммел хорошо знал своего друга (а подружились они еще в Афганистане) – кое-кого ждали нелегкие времена.

Но это общее, а теперь – частности.

В городе была русская власть и были законные силовые органы: полиция, в том числе отряды особого назначения, так называемый ОМОН. С ними было налажено некое сотрудничество, суть которого не особо раскрывалась, – но опытный Сэммел знал, о чем речь. Либо это деньги, либо информация и предоставление ресурсов. Ни один опытный менеджер не упустит возможность сделать работу чужими руками: ведь, в конце концов, заказчику плевать, кем именно сделана работа, главное, что она сделана. Так они работали и в Таджикистане, и в Туркменистане, и в Казахстане. Если русские здесь продажны – значит, они получают деньги, если нет – значит, помощь и информацию. Надо не забыть спросить – как именно организовано взаимодействие: это очень ценный актив.

В городе была и нелегальная власть. Так называемые «общины». Это было, нельзя было прятать голову в песок: надо было признать это и работать. Это было в Ираке, в Афганистане – да везде. В Ираке Петреус сбил наиболее опасную волну насилия в 2007–2008 годах хитрой политикой – он начал вооружать не меньшинства, а большинство, и более того, начал платить, платить хорошие деньги за отсутствие актов насилия и самостоятельное, без привлечения американцев обеспечение безопасности на своей территории. Так и тут – общины это не власть, но это самостоятельная сила со своими требованиями и интересами и с ней надо работать. Судя по данным из центрального файла, далеко не все в общине были радикальными исламистами, многие имели чисто экономические интересы – деньги, найм представителей их народа, которые явно будут платить общине, заключение контрактов на снабжение и обеспечение нефтяников продуктами, ГСМ и прочим. С другой стороны – из данных Густаффсона можно понять, что наиболее радикальная часть общины не только не подчиняется умеренным, но и терроризирует их, вымогая деньги на джихад. Это называется «закят». Мусульманин – плати закят. Не мусульманин? Тогда плати джизью. Как написал Густаффсон, джизью пытались наложить и на него (совсем оборзели!), платить он категорически отказался. Скорее всего, инцидент со снайпером был связан именно с этим.

Отмечалась и террористическая активность. Все то же самое – «Аль-Каида», Хизб ут-Тахрир, Шура Имарата Кавказ – нового протогосударственного объединения, признанного террористическим. Концентрировались общины радикалов прежде всего в городах, состояли из молодежи. Что самое худшее – до тридцати процентов численности таких вот «городских джамаатов» составляли этнические русские.

Регион был сложным. Один человек, менеджер региона, в данном случае Ларс Густаффсон, отвечал за состояние дел с безопасностью в целом регионе, по размерам большим, чем его родная Норвегия. Горы, низкорослый, но вполне способный скрыть человека лес, болота, северная степь, так называемая «тундра». Несколько небольших городов, построенных русскими для освоения этого края, и что самое плохое – сильно разбросанные по местности объекты нефте- и газодобычи, которые надо было охранять. И объекты трубопроводной инфраструктуры. Судя по данным центрального файла, Густаффсон построил свою работу по охране большей частью на взаимодействии невооруженных гражданских БПЛА и вооруженных самолетов, примерно таких, как тот, на котором он летел. То есть БПЛА дежурит над местностью, отмечает угрозы, при их наличии вызывает вооруженный самолет. Новейший «МС130» Combat Spear вооружен 30-мм пушкой «Бушмастер» и ракетами, тот самолет, на котором летел он – 20-мм «Эрликоном», при том он раза в три меньше, чем «сто тридцатый» транспортник, и стоимость летного часа меньше раза в три-четыре и раз в десять меньше, чем у вертолета. Таким образом, получается максимальный эффект при минимальных стоимостных издержках: если ты не служишь в армии, а работаешь на частную военную компанию, то о таких мелочах задумываться надо. Проблема только вот в чем: такой подход никак не решает проблему городского терроризма. А ее надо решать.

Городской терроризм...

Из центрального файла он видел, что практически все службы сознательно вынесены за пределы города. Нефтяники живут рядом с месторождениями, там возведены защищенные жилые городки. В офисах – минимум персонала, только самый необходимый минимум, тем более что и за работу здесь надо платить двойное, если не тройное жалованье. Но проблему это не решает, Сэммел это отлично прохавал на примере Казахстана и Узбекистана. Ошибка одна: ты отгораживаешься от какой-то части населения стеной и делаешь вид, что ее нет, что у нее нет интересов, прав, что все, что между вами общего, – то, что вы живете в одной стране. И все проблемы, трудности, неприятности, которые есть у этой части населения, тебя не касаются. Но чем выше стена, тем сильнее копится ненависть. И при встряске – а она рано или поздно будет – стена рухнет, и ты останешься с этими людьми один на один. Вот что будет...

Так и Центральная Азия. В Афганистане к власти пришли талибы, исламистские боевики из центральноазиатских государств получили и помощь, и защищенные базы, и вооруженных сторонников... и все начало сыпаться как карточный домик.

Все. Одно за другим. Саморазрушающийся механизм, нисходящая спираль, самосбывающиеся негативные прогнозы. Рушится одна страна, тут же освободившиеся от работы, от всего человеческого местные хватают оружие и бегут «помогать» соседям. Моментально во все стороны расползаются беженцы, сами по себе крайне взрывоопасный материал... и вот все это начинает напоминать натянутый в руках кусок ткани, на который капают кислотой. Дыры расширяются, сливаются постепенно в одну и...

По-моему, еще лидер большевиков Владимир Ленин предупреждал: нельзя считать себя свободным от общества, в котором ты живешь. Это предупреждение все давно забыли...

Городской терроризм... что же с ним делать. Для того чтобы справиться с ним, нужны опытные контрразведчики и хорошая группа быстрого реагирования, способная оказаться в месте, где собрались боевики, и справиться с ними. Он сам себя опытным контрразведчиком считать не мог, но опытным контрразведчиком был майор Итан Блэк, который умер у него на руках в Узбекистане. А он работал в его группе несколько лет и, по крайней мере, знает процедуру, то есть порядок действий.

Городской терроризм...

С легким шорохом открылась дверь – это был Густаффсон. Сам Сэммел сидел в комнате отдыха и знакомился с делами, чтобы не мешать...

– Поехали...

* * *

Нормальных гостиниц международных сетей в Сургуте не было – и Сэммел, по совету Густаффсона, заселился в гостиницу Обь, расположенную в центре города, около нее был постоянный полицейский пост, и внутри охрану несли вооруженные частные контрактники. Большая часть гостиницы, несмотря на понятные обстоятельства, была заселена: здесь селились приезжие иностранные гражданские специалисты и специалисты по безопасности. Номер стоил сто сорок тысяч рублей в сутки, это примерно четыреста долларов – приличная цена даже по меркам столицы. Одноместный однокомнатный номер – двухкомнатные давно разобрали. Сэммел, по совету своего друга, пока заплатил за десять дней – потом видно будет. Густаффсон сказал, что далеко не факт, что придется держать номер: если будешь ездить по объектам, то это затянется и на это время номер лучше освободить. Администрация с удовольствием приняла плату долларами США.

Дверь в номер можно было вынести пинком, и это Сэммелу не понравилось – в конце концов, он был в Душанбе во время погромов шестнадцатого года и знал, что это такое. Алекс Сэммел сходил в душ – горячая вода, к удивлению, была, может, у отеля собственный котел – и почувствовал себя намного лучше. Переоделся – у него был при себе дешевый, но более-менее

приличный костюм на выход. «Глок-19» в кобуре ДеСантис и два запасных магазина заняли свое законное место на шикарном ремне из бычьей кожи с двойной прострочкой, стоившем едва ли не больше, чем костюм. В отличие от брюк, ремень для постоянного ношения оружия должен быть хорошим, и экономить на нем не следует...

Переодевшись, Алекс Сэммел достал небольшой, карманный инструмент, приготовил отвертку и начал обыскивать комнату. Телефон в номере он сразу отключил, отвернул розетки, посмотрел по углам, на карнизе. Опыт Фермы – лагеря подготовки агентов ЦРУ – давал о себе знать. Никаких жучков он не нашел, но это не значит, что их нет. Подслушивать могут через окно, через батарею, неотключенный стационарный телефон – готовое подслушивающее устройство. Может быть, он еще не привлек внимания, может быть, не успели поставить – он был привередливым клиентом и согласился только на третий номер, который ему предложила администрация. Как бы то ни было – все, что мог, он сделал, а теперь хотел есть. Уходя, он повесил табличку «не беспокоить» и зажал в косяке обрывок нити – возможно, незваные гости его и не увидят...

Перед уходом он посмотрелся в зеркало. Из зеркала на него смотрел ничем не примечательный мужчина, лет сорока, возможно, сорока с небольшим. Незастегнутые пуговицы и короткие рукава пиджака, пуговицы вместо запонок на рукавах рубашки указывали на профессионального стрелка. Глаза были спокойными и усталыми, и лишь намертво въевшийся в кожу загар да ранняя седина выдавали в нем человека «с биографией»...

На первом этаже, как это обычно и бывает в ресторанах Восточной Европы, был ресторан.¹¹ Говорили, что раньше здесь это называлось «столовая» и сюда не пускали тех, кто не живет в отеле, но теперь это был ресторан, и сюда пускали всех. Ларс Густафссон сидел в самом углу и с аппетитом что-то ел. Увидев Алекса, махнул рукой:

– Присоединяйся. Так как ты новичок, я заказал и на тебя.

Мясное блюдо на вид выглядело отлично, хотя и остыло...

– Что это?

– Медвежати́на. Бифште́кс из медвежа́тины. У русских плохо получается готовить мясо, а вот само мясо просто отличное. Попробуй, настоящая медвежати́на.

Алекс вспомнил, как едят в Европе. Американцы сначала разрезают все мясо на небольшие куски, после чего откладывают в сторону нож, берут этой же рукой вилку и едят. Европейцы орудуют одновременно ножом и вилкой, отрезая мясо по кусочку и съедая его. Это надо уметь... а долгие годы в местах, где и про салфетку-то не знают, отрицательно сказываются на манерах.

Впрочем, кусок был жесткий, но без жил и в меру прожаренный. И с необычным соусом. Что-то это напоминало американский стол, не европейский. Большие порции, примитивная, но вкусная еда. Алекс уезжал из России, когда ему было шесть с чем-то лет, и почти не помнил эту страну. И вот волей судьбы он снова был в этой стране, великой и несчастной, ищущей непонятно чего и не знающей покоя...

– С чем мясо?

– Какой-то местный соус. Брусника, кедровые орешки. Кстати, добудь масло кедра, здесь оно есть. Две столовые ложки три или четыре раза в день. Я вылечил так язву.

Язва, гастрит – одна из их профессиональных болезней. Хороший стол, наподобие этого не исключение, а правило, а во время неприятностей – хорошо, если за день вообще удастся что-то поесть...

– Значит, и здесь есть что-то хорошее.

¹¹ На Западе обычно ресторан делают наверху или в пристрое к отелю, но не на первом этаже. Ресторан должен быть чем-то интересен, ведь это сам по себе великолепный источник дохода для отеля. Хотя бы видом на город.

– Вопросов нет. Мне вообще жаль этих людей, они не такие плохие. По крайней мере, не сравнить ни с Ираком, ни с Афганистаном – там от местных никогда не ждешь ничего хорошего. Ты, кстати, задержался в номере...

– Искал гостинцы.

Густаффсон понимающе кивнул.

– Не напрасно. Бывает. Так что проверяй. Файл прочитал?

– Прочитал... – спокойно ответил Сэммел, – а теперь хочу услышать то, что там не написано. Прежде всего насчет русских.

Густаффсон улыбнулся, став похожим на какого-то неуклюжего, но доброго сказочника, который сбрил бороду. Человек вообще выглядит лучше, когда улыбается – правда, поводов для улыбок маловато...

– Русские... Первое, что ты должен знать, – это как с ними обращаться. Они делятся на две категории – русские на должности и просто русские. А русские на должности делятся на гражданских и военных. Хуже всего гражданские русские на должности. Они будут тянуть с тебя деньги, а потом придумывать, почему не могут для тебя ничего сделать. Могут и напако-стить. С ними надо жестко и платить за что-то реальное.

– Как в Ираке?

– Точно.

Сэммел был в Ираке – по линии ЦРУ. Сам непосредственно не имел дела с гражданскими, но слышал разговоры. Там гражданские приходили и начинали излагать свои проблемы. То не сделано и это не сделано. Нужна краска, нужно там подновить ворота, нужны учебники для школы. И когда ты им что-то давал, они были довольны и жали тебе руку – только ночные нападения не прекращались. А когда ты спрашивал их, почему бы им самим не сделать что-нибудь для себя, например убрать хлам и мусор с улицы или починить канализацию, они смотрели на тебя, и казалось, не понимали, о чем ты говоришь...

– Вторая категория – гражданские русские. Они странные люди... я никогда их не понимал и не пойму. Они могут ненавидеть тебя, они могут не взять денег, но если ты им понравился, сделают нужное для тебя и бесплатно. Если будешь нанимать их на работу, учти – много контроля и никакого алкоголя.

Сэммел улыбнулся:

– Я вообще-то сам этнический русский.

– Ах да... – Густаффсон разлил по бокалам густой, темно-красный напиток, похожий на кровь, но другого оттенка красного, – я и забыл. И еще третья категория русских – это...

Под ударом взрывной волны лопнули одновременно все стекла, обжигающий вихрь ворвался в помещение, сметая все на своем пути. Их сшибло со стульев, сшибло остатки мяса и кувшин с напитком... но осколками не порезало... осколки пришили на тех, кто сидел ближе к окнам...

Наступила тишина. Оглушительная, такая, как будто кто-то выключил громкость, и фильм идет, но звука уже нет.

Потом звук прорвался: многоголосыми воплями сигналок, стонами раненых, чьим-то истошным криком от вестибюля. Было дымно, Сэммел тряхнул головой и начал подниматься на ноги. Хрустело битое стекло, осколки тарелок, он обо что-то обрезался – и боль привела его в чувство...

С другой стороны стола поднимался Густаффсон. В отличие от Сэммела, он сидел лицом к стеклу, поэтому ему «прилетело» – осколок стекла резанул по брови, волосы у него были спутанными и грязными, взгляд – диким...

Сэммел попытался утвердиться на ногах, закашлялся...

– Черт...

– Уходим.

– Надо помочь...

– Уходим!!!

Под ногами хрустело стекло и битая посуда. Цепляясь друг за друга, они сунулись на кухню... там что-то горело и кто-то кричал, и было непонятно, что вообще происходит...

– Давай сюда!

Густаффсон знал обстановку лучше – он потащил его через боковую дверь, потом какими-то коридорами. Рядом бежали еще какие-то люди, непонятно какие. Все спасались на улице, как будто здание может рухнуть...

– Может быть еще один взрыв! – прокричал Густаффсон, не оборачиваясь. – Ты носишь?¹²

– Да...

Они вывалились на улицу, бежали люди, кто к отелю, кто от него, запыленно выли сигналки машин. Густаффсон потащил его куда-то в сторону. Сэммел не сопротивлялся – порядков здесь он не знал.

Два уже знакомых внедорожника, положенный менеджеру региона выезд,¹³ забрали их на темной улице неподалеку от отеля. В ночи выли сирены, и они держались подальше от дороги, в темноте, пока не увидели знакомые машины...

– Часто у вас так? – спросил Сэммел, приводя себя в относительный порядок.

– Такого еще не было... – Густаффсон пил воду из бара, – но должно было рано или поздно случиться. Чертова община.

– Чеченцы?

– Ну а кто же? Добро пожаловать в Югру, брат.

– Югра?

– Местные так называют эти места. Югра...

Почти в полночь они приехали в офис, где у Густаффсона, как и у любого другого понюхавшего порох контрактника, была тревожная сумка и спальный мешок. От нервов распили бутылку Финляндии, которую норвежец держал в сейфе, и легли спать. Сэммел соорудил себе ложе из спальника и стульев из кабинета, лег – и отрубился, рухнул в пропасть своих кошмаров, которым не было ни конца ни края...

Сколько бы в этом мире не было адских мест – он повидал их все...

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Документ подлинный

...Вологодский суд рассмотрит дело местного жителя, который, как полагает следствие, готовился совершить теракт. И.о. регионального прокурора уже утвердил обвинительное заключение в отношении Сергея Мишурина. Об этом сообщает пресс-служба надзорного ведомства.

По версии следствия, С. Мишуринский (неоднократно судимый за тяжкие преступления – грабеж, изнасилование, убийство) стал еще и террористом, отбывая наказание за совершение тяжкого преступления в колонии строгого режима. Там он познакомился с лицами, осужденными

¹² Оружие.

¹³ Упряжка с лошадьми, карета с лошадьми, с обслуживающим персоналом и кучером раньше называлась «выездом». Держать выезд – значит содержать все это.

за терроризм, которые и оказали на него сильное влияние. Освободившись из исправительного учреждения, мужчина изготовил самодельное взрывное устройство с поражающими элементами. Подорвать его он намеревался в одном из общественных мест Вологды.

Готовясь к преступлению, С. Мишуринский штудировал экстремистскую религиозную литературу и просматривал диски с записями известного идеолога «Аль-Каиды» Абу Ахья и нейтрализованного участника бандподполья Сауда Бурятского.

Однако довести преступное дело до конца он не смог. В октябре прошлого года предполагаемый террорист был задержан сотрудниками ФСБ. При обыске в его квартире нашли гранату, несколько детонаторов и самодельное взрывное устройство, содержащее 200 граммов тротила и саморезы.

Против мужчины было возбуждено дело по ч. 1 ст. 222 Уголовного кодекса РФ (незаконное хранение взрывчатых веществ и взрывных устройств), ч. 1 ст. 223 УК РФ (незаконное изготовление оружия) и ч. 1 ст. 30 и ч. 1 ст. 205 УК РФ (приготовление к совершению террористического акта).

top.rbc.ru

Недалекое прошлое. Западный Туркменистан. Второй блок месторождений. Лето 2017 года

*Туркменистан – страна чудес.
Зашел в кишлак – и там исчез.*

Черный юмор контрабандщиков

Взрыв они слышали, едва свернув с дороги. Тяжелый, глухой хлопок, отдающийся под ложечкой, – и огненный столб на горизонте, постепенно чернеющий...

– ...твою мать... – нехорошо выразился третий стрелок. Он был канадцем, из Канадской королевской конной полиции, отличным стрелком и охотником, но, как и все они, выучил русский мат и активно использовал его. Потому что с каждым первым местным здесь без мата объясниться было нельзя, даже если знал язык.

– Так, собрались! – пристрожил командир патруля. – Алекс, лезь за пулемет. Шон, паси слева...

Шон, бывший рейнджер, которому едва не поджарили задницу при эвакуации из Кабула и который решил, что с него достаточно, толкнул Алекса в задницу, когда тот полез в кузов пикапа через широченную форточку в задней стенке кабины...

– Эй, парень, передай привет бороатым ублюдкам от меня...

– Хорош ржать! Заткнись!

– Да, сэр!

Шон заткнулся, выставил в окно ствол «ПКМ» и начал с преувеличенным вниманием пасти свой сектор...

Алекс выбрался наружу, поправил шемах. Взвел – для этого нужна была немалая сила – гигантский русский «КПВТ», который они сняли с подбитого русского БТР, а потом Дирк МакКоннелл, их мастер на все руки по машинам, оружию и любым другим железякам, приспособил на самодельную, грубо сваренную турель. Этот пулемет был вдвое мощнее старого доброго «Браунинг М2», он стрелял чудовищными пулями шестидесятого калибра, которые прошибали все на своем пути, будь то дерево, стена дома или дувал. Проблема была в том, что выдержать его отдачу было совершенно невозможно, равно как и стрелять очередями больше чем по пять выстрелов – тупо запорешь ствол. Но в дуэлях со стрелками басмачей такая мощность была нелишней, она позволяла открывать огонь с большей дистанции, находясь в относительной безопасности. На всякий случай в бронированном кузове находился пулемет «ПКМ», который можно было использовать как обычный пехотный и стрелять по тем целям, которые внимания «КПВТ» не заслуживают...

Лучше «КПВТ» только «GAU-19», американский трехствольный монстр калибра 12,7, который разрабатывался под перспективный вертолет, но его никто не покупает. Частная компания, в отличие от армии США, доллара лишнего не выложит. И сам пулемет, и боезапас к нему натовского калибра – стоят бешеных денег, а тут... сам «КПВТ» им и вовсе достался бесплатно, выломали с подбитого БТР, а боеприпасы к нему можно купить или выменять у местных «военных» за доллары или спиртное. Они хоть вроде как и соблюдающие,¹⁴ но за русскую водку все что угодно продадут.

Он пристегнулся. Сиденья здесь не было, но для того, чтобы удерживаться на ногах во время бешеной гонки по пустыне, обязательно надо было пристегиваться. Откинул «рога» –

¹⁴ Соблюдающие – то есть соблюдающие ограничения шариата более или менее строго.

плечевые упоры, как на зенитном варианте «диско» – пулемета «ДШК», еще одного русского пулемета, с которым морская пехота США хорошо знакома, хотя ввек предпочла бы не видеть. Вместо обычного ракурсного зенитного прицела они установили коллиматорный, южнокорейского производства...

Пнул изо всей силы ногой в заднюю стенку кабины – дважды. Готов. Обернулся назад – «Тойота», за рулем которой был Влад, украинец, уволившийся¹⁵ из тамошнего спецназа, держалась на хвосте. Вот и отлично. Он показал большой палец – и Влад показал ему то же самое...

Вот только вокруг – была полная...

Они тормознули около чек-пойнта – помогать тут было уже некому, машина группы быстрого реагирования, «семьдесят пятая» «Тойота», стояла на ободах, избитая пулями, будка чек-пойнта сожжена гранатометным выстрелом, а то и чем похуже. Помощь раненым и убитым никто не оказывал, проблем хватало и без этого.

Иван – правильно ударение на первый слог. Иван – а не ИвАн, их командир, бывший оперативник польского JW GROM, выскочил с переднего сиденья их «Форда», забежал в разбитую огнем пулеметов и гранатометным выстрелом караулку и через минуту выскочил обратно, держа в руках небольшой плоский прямоугольник жесткого диска, для сохранности защищенного титаном. Записи камер наблюдения потом посмотрят в офисе. Снова заскочил в машину, тронулись, с пробуксовкой. Про раненых никто и не подумал – это были обычные наемники, местные, из африканских стран, с Балкан, русские. Статик-гарды, каждый знает, на что идет. Помощь им должны оказать местные...

Которым отнюдь не до помощи. Им бы самим кто помог.

Как только они завернули за легкий забор, тоже избитый пулями, стало понятно, что все еще хуже, чем это виделось на расстоянии. Ублюдки сыграли старый трюк, который первыми применили, кажется, ирландские террористы в Белфасте. Двойной удар называется. Происходит нападение или подрыв. Вызываются пожарные, полиция, эвакуируются гражданские. И как только около подорванного или поврежденного объекта скапливается много народа, в том числе представители власти, гремит второй взрыв. Припаркованная машина в последнее время чаще всего смертник. Это и есть двойной удар...

В данном случае целью были пожарные – опять. После нападения они прибыли, чтобы гасить пламя и бороться с разливом нефти, и второй удар пришелся по ним. Ублюдки сообразили, что самое слабое звено в цепи – это инженеры и пожарные. Но инженеры постоянно под охраной, причем такой, справиться с которой нелегко – а неразорвавшихся снарядов тут не достанешь, чтобы сделать фугас. Вот они и начали нападать на пожарных – высококвалифицированных специалистов со сложной специализированной техникой, без которых работать просто нельзя. Пожарные теперь носили бронежилеты и автоматы «АКС-74У», но этого было мало. Еще ублюдки сообразили, что подорвать трубопровод проще, да только латается он и быстро, и дешево. А вот если подорвать компрессорную станцию...

Этот удар пришелся аккурат в цель. Две пожарные машины лизало пламя, около одной из них лежало что-то, похожее на кучу мусора, но Алекс не раз видел такое и знал, что это – сгоревший человек. Кто-то из пожарных еще пытался гасить пламя, кому-то оказывали помощь у искалеченной взрывом «Скорой»...

К их машине подбежал пожарный. В современном, но рваном комбинезоне, больше похожий на космонавта... потерпевшего аварию. Автомат у него был на ремне, забрало треснуто. Навстречу ему выскочил Иван... он именно выскакивал, а не выходил из машины, всегда, даже когда не было непосредственной опасности. Говорили, что он как-то раз чуть не сгорел на Саланге.

¹⁵ Правильным, конечно же, будет – вышел в отставку или демобилизовался. Однако у работников частных военных компаний свой сленг, и правильно будет – уволился.

Пожарный, судя поговору, был русским – большинство пожарных здесь были русскими, потому что на приисках за месяц им платили столько, сколько на родине за год. Но и цена была высока...

– Цо здесь трапелось?¹⁶ – несмотря на то что русский и польский были разные языки, поляки и русские понимали друг друга.

– Смертник! Мать его... – Русский начал ругаться матом, словно забыв обо всем. – У нас полэкипажа в мясо. С. и!

– Бандиты! Куда они ушли?! – Иван не дал русскому растечься мыслью по дереву.

– Бандиты? Басмачи! Щас узнаем...

Русский закричал что-то, подбежал еще один пожарный, ниже ростом и в другом комбинезоне, по-видимому, местный. Русский коротко переговорил с ним на его языке.

– Туда. Туда они ушли... П...ы.

– Сколько их было?

– Да до хрена их было! До хрена!

Это значило – много. Когда командиром, старшим патруля у них был Герхард, Алексу приходилось работать переводчиком: бывшему германскому полицейскому никак не давался русский. Еще он не мог понять «неопределенных» выражений русских – что, например, значит – до хрена? Неужели нельзя хотя бы примерно указать сколько.

– Давно ушли?

– Полчаса как!

– Тридцать минут, ясно...

Ублюдки ушли, а кто-то, явно из числа работников или охраны, остался ждать, чтобы окончательно подорвать и станцию, и пожарных. Что за твари, откуда они только берутся тут...

Иван показал большой палец. Алекс продублировал знак для тех, кто находился в замыкающей машине. Это значило – информация получена, начинаем преследование...

Вывернув, их тяжелый «Форд» прокатился мимо разбитой пулями защитной стены, выскочил через второй выезд. Места здесь были пустынные, довольно опасные – напоминали Северный Афганистан. Там, где русские проложили мелиорацию, – там трава, частично пересохшая под лучами беспощадного солнца, кусты. Где не проложили – там пересохшая, потрескавшаяся от солнца земля. Редкие дороги с асфальтовым покрытием, сильно разбитым и давно не обновлявшимся – государство здесь следило только за самыми крупными дорогами, а как вся эта свистопляска началась – и вовсе ни за чем не следит. Невысокие горы на горизонте, лазурно-голубое небо, белые, кучевые облака...

– Внимание всем, я Скакун-один... – Иван привычно передал позывной, – нахожусь в квадрате сорок шесть – восемьдесят. Преследую крупную моторизованную банду численностью до двадцати человек, легкое стрелковое оружие и «РПГ». После нападения на охраняемый объект ушли на северо-запад на нескольких машинах, идентификации нет. Проявлять особое внимание, повторяю – проявлять особое внимание...

– Я Газель-три, нахожусь на трассе, примерно десять миль восточнее Ак-тюбе, у меня все чисто...

Привычно началась переключка. Несмотря на то что все они были разных национальностей, служили в разных армиях, полицейских и жандармских силах, работали на разные военные компании, террористы и моторизованные банды, так называемые *basmaches*, басмачи, были общей угрозой. И к их преследованию подключались все свободные силы...

– Внимание, всем позывным Скакуна, особое внимание, повторяю – особое внимание...

¹⁶ Что здесь случилось? (польск.)

Машины сильно трясло, они приближались к дороге. Дороги здесь не как в Ираке, бетонные скоростняки, но с афганскими не сравнить. Там дорог нет вообще, а здесь хоть какие-то дороги...

«Форд» сильно, до пробоя подвески, тряхнуло, после чего они, не снижая скорость, выбрались на дорогу, асфальтовую. Их водила, тоже русский, начал увеличивать скорость...

Алекс обернулся – «Тойота» следовала за ними. Проверять надо было – местность скверная, без подвески остаться – проще легкого...

Начал поворачиваться... и кровь буквально застыла в жилах, а ноги свело от ужаса. В километре отсюда, по правую руку – не его сектор – был кишлак, а тут осталась автобусная остановка, причем остановка капитальная, бетонная, этакий домик, открытый с одной стороны, который только русские могли додуматься построить из бетона. И вот из-за этого домика показался, встал на колено подросток, голова которого была замотана не чалмой, а просто черной косынкой, а на плече у него была труба реактивного гранатомета, нацеленного на идущий на большой скорости «Форд» контрактников...

Не успевал никто. И он тоже – пулеметная установка двигалась тяжело из-за большой массы пулемета...

Он и сам не помнил, как в его руке оказался пистолет Стечкина – русский автоматический пистолет, который он выменял на трофейную китайскую «СВД» у одного француза. Пистолет этот он носил на груди, чтобы легко было стрелять, сидя в машине, и у него было двадцать патронов в магазине и режим автоматического огня. Сейчас, несмотря на плотную обвязку, он сумел выхватить пистолет и открыть огонь...

Маневрировать возможности не было, скорость почти предельная – они летели навстречу судьбе со скоростью около семидесяти миль в час...

Он увидел, как ракетчика ударила одна из пуль – рассеивание у этого пистолета было сумасшедшее, их единственный шанс. Его повело вправо, он нажал на спуск, полыхнула вспышка... куда, мать его? Бог сегодня хранил их – ракета прошла точно между первой и второй машиной, а через секунду ударившие из второй машины автоматы покончили со стрелком...

«Форд» с пробуксовкой тормознул, проехав не меньше сотни метров. Затем начал сдавать назад. Алекс, хоть его и трясло изрядно, прикрыл сектор «справа и назад» – зеленка, все что угодно может быть. Их водила задом объехал тоже вставшую «Тойоту» и виртуозно остановился у бетонной автобусной остановки.

Алекс расстегнул центральное крепление и только тут почувствовал, что весь в поту, причем в поту неприятном, холодном.

Выбрался через верх, перевалился на землю, встал. Иван, Влад и Шон уже стояли рядом с пацаном – ему было лет пятнадцать-шестнадцать на вид, и у него даже не росла борода. Кровь медленно текла, сворачиваясь в черные шарики в пыли...

Сукины дети... Ублюдочные, мать их так, сукины дети, которым плевать, сколько погибнет их, которые не желают чистить зубы утром и вечером, трахаться с презервативом и прекратят убивать. Чертовы сукины дети...

Влад заменил магазин в своем «Булги». Лязгнул затвором... Иван подобрал трубу от ракетной установки, наскоро обыскал карманы. Немного денег, сильно дешевый и задрипанный сотовый. Никаких документов нет.

– ДНК? – спросил Шон.

– Какой ДНК, курва блядна,¹⁷ – со злобой в голосе ответил поляк, – поехали отсюда...

¹⁷ Имеется в виду тест на ДНК, обязательный в Афганистане. Дошло до того, что от снайперов требуют тесты ДНК тех, кого они пристрелили. Вот второй номер бежит с ваткой, а снайпер его прикрывает. А дружки убитого... понятно, в общем.

* * *

Через несколько сотен метров они наткнулись на новые трупы...

Их случайно увидел Шон. Ему показалось подозрительно, почему на дороге сидит ворона и не улетает. Значит, рядом есть еда...

Они остановились. И в придорожной канавке нашли еще два трупа.

Машины разъехались, обеспечивая периметр. Пулеметы были готовы открыть огонь.

Трупов было два. Пожилой мужчина и молодой совсем. Возможно, сын, возможно, родственник, возможно, гомосексуальный партнер. После Афганистана ничему не удивляешься. Обоим перерезали горло, по виду – сопротивления они не оказали.

Их водила, русский, по имени Саня, бывший милиционер откуда-то из Центральной России (у русских почему-то полиция в разговорах до сих пор называлась милиция, хотя милиция – это гражданское вооруженное ополчение), прошелся по обочине, потом наскоро осмотрел трупы.

– Они захватили машину. Ублюдки захватили машину, – сказал он, – возможно, грузовик. Вон тут, видите, следы солярки. У сукиных детей была повреждена машина, они захватили другую. Хозяина зарезали. Вот этот – хозяин.

– Почему? – любопытствовал поляк.

– Вон, видал его руки. Масло, соляра в кожу ввелись. Он привык сам ремонтировать свою машину.

Поляк уважительно кивнул. В компании ценились любые знания, какие бы они ни были. А люди – были самыми разными. Это позволяло им хоть как-то, но держать обстановку и обеспечивать добычу нефти и газа, даже имея под боком «Талибан», «Аль-Каиду» и Стражей Исламской Революции. Если бы здесь высадились американская морская пехота – всему бы п... пришел.

– А где машина?

– Вон там! – крикнул Алекс, показывая от пулемета рукой. – Кажется, за кустами что-то есть.

* * *

Машина и в самом деле была там. Китайский пикап типа «Гранд Тигр», в кузове турель, но самого пулемета нет – забрали. Одна шина спущена, следы от пуль везде, оба боковых и частично лобовое повреждены, в машине – следы крови, перевязочные материалы – на водителемском сиденье, сзади на пассажирском. Значит, ублюдки понесли потери...

Кто такие? Ясно кто – и местные и пришлые. В кишлаках работы нет, а вербовщики «Аль-Каиды» дают по таксе – двести долларов за участие в атаке, пятьсот – кто ранен, две тысячи – кто стал инвалидом или убит. Отдельно оплата по результату, как только получают информацию. За взорванную компрессорную – не меньше двадцати штук, при том, что одно оборудование, которое они угробили, на несколько лимонов грина тянет. Местные – большинство нигде не работает с тех пор, как развалился СССР, кто хочет работать – тот уезжает гастарбайтером и работает, кто-то даже гражданство получает, а здесь только неработающие сидят. Только детей делают да в мечеть ходят. Мечеть новая, к ней пристроено медресе – школ здесь нет, вместо школ медресе, учителя могут убить только за то, что преподает не по шариату. Мечети неизвестно на какие деньги содержатся, там раздают гуманитарку и литературу, в основном ваххабитскую. Там же вербуют на джихад, на такие вот атаки – никто ничего с этим не делает, хотя все знают. После налета все скрываются в кишлаке, под видом мирняка, оружие прячут

– и так до следующего налета. Кому все это надо... а кто получает прибыль от того, что нефть сто семьдесят уже стоит? Вот им и надо.

Иван осмотрел машину, убедился, что ничего нет, и кивнул. Саня пошел с небольшой канистрой – сжечь машину. В качестве улики она не годилась... какие тут, в дупу, улики?

Сам Иван вернулся к машине, взялся за телефон, набрал номер – это был номер дежурного. По сотовому проще...

– Это патруль три, позывной Скакун. Видишь меня?

– Так точно, продолжай.

На каждой машине был маячок GPS – так что дежурный, сидящий во временном центре, видел их всех...

– Обнаружил одну из машин, использовавшихся танго, внутри следы крови. Атакован одиночным ракетчиком, атака отбита, ракетчик уничтожен, потерь не имею.

– Принято, продолжай...

– Есть предположение, что танго скрылись на захваченной гражданской грузовой машине, тип и приметы отсутствуют...

– Так... минутку. Есть данные – в семи милях от вас к западу банда на грузовике обстреляла патруль Эринис и пытается скрыться на пересеченной местности. Ведется преследование. Наверняка ваши...

– Возможно, спасибо за информацию. СК.¹⁸

Поляк бешено замахал рукой:

– Пошли! Пошли!

* * *

Они опоздали.

Патрульные Эринис, обстрелянные на дороге, вызвали их ганшип, который случайно находился всего в нескольких милях от места действия и представлял собой Цессну Карго-мастер, в которой в грузовом люке был установлен сербский двадцатимиллиметровый Эрликон. Ганшип догнал бандитов, пытавшихся скрыться в грузовой машине советского еще производства, и парой очередей покончил и с машиной, и с разбегающимися бандитами. Сейчас он описывал широкие круги в небе, а патрульные и Эринис, у которых был старый, видимо узбекский еще, «Хаммер»,¹⁹ неспешно собирали оружие. Увидев приближающиеся вооруженные машины, они вскинули оружие, но тут же опознали своих...

Здесь было относительно безопасно. Машины встали широким квадратом, чтобы образовать нечто вроде периметра. Алекс отстегнулся и покинул машину вместе со всеми – пулеметчик в «Тойоте» остался дежурить, потому что как минимум пятьдесят процентов огневой мощи должно быть актуально, то есть готово к немедленному применению, и потому что дежурить была очередь второго пулеметчика.

Главным у англичан был Дэн Ходжес. Типичный англичанин – здоровенный, рыжий и усатый. Как и вся элита Эринис, он был из САС, двадцать второго полка специального назначения. В Афганистане он сменил свой «М4» на «СВД», гораздо более подходящую для горной страны – и так и таскал ее с собой, сменив, правда, прицел на шикарный US Optics. Для ближнего боя у него был автомат «MP5», который он таскал на боку, почти как пистолет.

¹⁸ Связь кончаю.

¹⁹ При выводе войск из Афганистана большая часть американской техники была безвозмездно передана Узбекистану. Когда умер Ислам Каримов и обстановка во всем регионе была дестабилизирована, часть техники попала контрактникам, часть русским, часть казахам, часть бандитам.

Как и все англичане, Ходжес любил злые шутки и розыгрыши, а также при встрече даже с друзьями начинал их подкалывать, и довольно зло. Это не все понимали... но так он был отличным парнем, всегда готовым выручить друга, и если ты заруливал на базу, когда у него было какое-то событие, пива можно было пить до отвала. Широкой души человек, почти как русские...

– Ищешь, чем бы поживиться, а Иван? – подколот он поляка, едва тот покинул машину.

Поляк размотал шемах, вытер лицо – было жарко.

– Это наши клиенты. Только что они подорвали компрессорную станцию.

– Да? Ну, им не повезло. Но трофеи, извини, наши...

– Сколько их?

– Вроде пятеро. Если мы правильно руки-ноги посчитали...

Контрактники подошли к машине, которую накрыл вооруженный самолет – так называли их патрульные мини-ганшипы. Это был не китайский, а русский грузовик, старый. Похожий на американские пикапы шестидесятых, марки «ЗИЛ». В России таких было не встретить, но здесь климат теплый, машина сохраняется хорошо – здесь они по-прежнему коптели дороги. Судя по кузову, когда-то эта машина работала в местном сельском хозяйстве, а потом стала частной. Как в Афганистане – там местные давно ездят на русских армейских машинах, украшенных как передвижные индуистские храмы. Вероятно, это была именно та машина, из-за которой на дороге зарезали двоих. Сейчас ее прилично разделало снарядами автоматической пушки с самолета, кабина была буквально искорежена, а потом контрактники залили ее пеной из огнетушителя, чтобы не взорвалась. Кровь, металл, мясо, пена слились в омерзительном натюрморте, до которого не додумается ни один художник, даже под кайфом.

– Боже, ну и дерьмо... – сказал кто-то.

– Похоже, это грузовик тех парней, сэр...

– О чем вы? – спросил Ходжес.

– Мы нашли двоих в придорожной канаве. Несколько миль отсюда. Кто-то перерезал им горло, а потом угнал их машину. Вероятно, эту.

– Вот как? – сказал Ходжес. – Блин, хоть одна хорошая новость за день. Пусть хоть все друг друга перережут.

Молчание.

– Ты не прав, – спокойно и твердо сказал поляк, как равный.

Ходжес повернулся к нему.

– Да? – он почему-то в этот раз завелся с полуоборота, видимо, до этого был на взводе, – а тебя все это не за...о? Мать твою, ското...

Остаток слова он сглотнул вместе с кровью, внезапно показавшейся из угла рта. Через долю секунды до них донесся четкий звук винтовочного выстрела.

– Снайпер!

Ходжес тяжело падал на землю, подобно подрубленному дереву, и все прятались, где кто мог. Потому что, если по тебе работает снайпер, то нужно сначала засунуть свою задницу в безопасное место и только потом что-то предпринимать. Главным укрытием стала машина, и кто-то заорал «Медик» – а один из бойцов Эринис, петляя, побежал к вооруженному пулеметом пикапу.

– Эрик, не высовывайся!

Британский стрелок запрыгнул в кузов, дернул на себя рукоять взведения «ДШК» и открыл огонь в сторону селения, которое виднелось невдалеке...

– Что с ним?!

Медик работал вовсю – срезал ткань на спине, сейчас пытался остановить кровь...

Неслышимый за грохотом «ДШК» стукнул еще один выстрел – и пулеметчик осел в кузове пикапа, хватаясь за брызжащее красным горло. На сей раз выстрел был куда точнее, по результатам первого попадания снайпер понял правильную поправку.

– Полтинник кончили! Полтинника больше нет!²⁰

– Твою же мать!

Алекс потянул на себя снайперскую винтовку тяжело раненного британца. Достал из снятой с него разгрузки два полных магазина, рассовал по карманам. Поймал взгляд поляка, своего командира.

– Сэр?

Поляк в который раз поразился своему подчиненному. Большинство из тех, кто идет в контрактники, профессионалы, но они знают цену жизни и не готовы рисковать собственной задницей. Если не припрет – они не пойдут в атаку на пулемет или снайпера, они просто смоятся. Или будут сидеть в укрытии, пока это возможно. Но этот – не такой. Такое ощущение, что к этим у него что-то личное...

– О'кей, прикроем. Так, парни. Собрались! Сейчас мы немного постреляем – только не подставляйтесь. Я укажу направление трассерами. По готовности...

– Б... надо сидеть и ждать, пока с самолета не снимут этого урода, – сказал один из контрактников, но его никто не поддержал.

Защелкали предохранители.

– На один! Три – два – один...

* * *

На счет «три» – бывший капрал морской пехоты покатился, прижимая к себе винтовку: способ передвижения абсолютно естественный для того, кто прошел Кэмп Леджун. В катящегося человека попасть труднее всего, еще труднее – его заметить. Скорее всего, снайпер пользуется старой винтовкой советского образца, наверняка системы Мосина – их полно в Афганистане. На них в оригинале стоит прицел кратностью всего 3,5, простой и примитивный. Но с его американским прицелом большой кратности у него будет некое преимущество.

Если он правильно займет позицию.

Пока контрактники изображали психов в своей дабл-м, он перекатился и занял позицию за пикапом. Как это часто делают контрактники, у него был снят задний борт, и он мог видеть подстреленного пулеметчика. С пола кузова на землю капала кровь, глаза были пустыми и мертвыми – он даже не стал проверять пульс. Еще – минус один...

Он собирался двинуться дальше, когда пуля звонко ударила по кузову. Заметил... гаденыш.

– На час от тебя! – крикнули от грузовика.

На час... это хорошо. Только бы не догадался стрелять по бакам... если попадет, можно будет как на куропаток охотиться.

Снайпер словно услышал – пуля ударила по советскому грузовику. Судя по времени, которое ему нужно для перезарядки, винтовка неавтоматическая.

– Твою же мать! – крикнул кто-то.

За ноги Алекс стащил убитого контрактника из кузова. Проверил пульс для очистки совести – пульса нет. В Афганистане у них была собственная кукла в виде соответствующим образом раскрашенной и принаряженной девицы из секс-шопа. Для дальнего расстояния сойдет – снайперы звали ее Лейла. Здесь куклой придется послужить трупу...

²⁰ Mad minute – шквальный огонь из всего, что есть. Термин из западного военного сленга.

Он прикинул, как лучше привязать веревку – веревка у него была всегда и везде, несколько метров прочной веревки. Прислонил труп к задней части машины, сам, преодолевая отвращение, полез в кузов. На винтовке – на прикладе была наклейка с поправками для разных дистанций стрельбы – профессиональная вежливость.

Кровь была липкой, теплой. Почти сворачивающейся консистенцией, почти как сметана. И ее было много, она скопилась на полу кузова и сейчас липла к нему, словно обещая смерть...

Или наоборот – родня со смертью...

На час.

Он начал отпускать веревку...

Есть!

В каком-то сооружении, похожем на строительное, а может, сельскохозяйственное, наполовину разрушенном, мелькнула искра. Он наблюдал через узкую и неудобную прорезь в щите пулемета.

Пуля с хлопком ударила по мясу.

Перезарядка... секунда-полторы...

Положив винтовку цевьем на край щита, он открыл огонь, пользуясь преимуществом полуавтоматической винтовки, корректируя огонь по предыдущим попаданиям и посылая в цель пулю за пулей. Снайперы, вопреки общепринятому мнению, не меняют позицию после каждого выстрела: хороших не так много, а в движении и ты более уязвим, чем лежа неподвижно. Он выпустил все десять патронов, которые были в магазине, а потом направил в ту сторону пулемет и открыл огонь расчетливыми, короткими очередями. Пулемет отдавал на руки, тяжелые пули били в цель, срывая листы обшивки и пробивая ту комнату, в которой скрывался снайпер. Он выпустил все пятьдесят патронов – и только потом прекратил стрельбу. Ничего живого там оставаться не могло.

И тут он услышал, как заработал двигатель. «Хаммер», на котором приехал Ходжес и его ребята, выруливал на дорогу...

* * *

Они закутали тела двоих убитых в брезентовые мешки и положили их в свою машину. Со стороны села раздавались очереди, было непонятно, кто и в кого стреляет...

– Сэр, это надо прекратить... – сказал Алекс, от засохшей крови похожий на вампира.

Контрактники переглянулись. Все понимали, ради чего они здесь, и все понимали, что есть вещи, мимо которых нужно просто пройти, не оглядываясь. Но есть и нечто такое, что позволяет им оставаться сами собой. И верить в то, что они поступают правильно...

И они знали, что там им может не поздоровиться. Сильно. Потому что вставать между стволом автомата жаждущего мести белого человека и лицемерным местным ублюдком – себе дороже.

– Ладно, поехали... – сказал Иван и добавил: – Пся крев...

* * *

Британцы – это, конечно, были не британцы, Эринис набирала разный народ, в том числе хорватов и боснийских и косовских сербов – остановились, не доходя до населенного пункта метров двести, и вели обстрел. На «Хаммере» босса не было тяжелого вооружения, но был пулемет «ПКМ» на турели, он-то сейчас и солировал. Остальные контрактники вели беспокоящий огонь из своего оружия.

– Парни, хватит, остыньте! – заорал Иван, едва они подъехали. – Там гражданские, хватит стрелять!

Один из контрактников обернулся.

– Со всем уважением – идите в...

Куда – он сказать не успел. Лишился дара речи от вида ствола «ДШК», направленного прямо на него с нескольких метров. И измазанного кровью человека за турелью.

– Хватит стрелять... – сказал поляк уже увереннее, – давайте посмотрим, что там со снайпером...

* * *

Конечно же, все это имело последствия.

Правоохранительные органы – точнее, то, что здесь называлось этим словом, здесь это были те же самые бандиты и вымогатели, только в форме и при оружии – явились тогда, когда все уже стихло. Если верить им, точнее, тем документам, которые они настреляли, контрактники сначала расстреляли мирный грузовик с товаром, а потом обстреляли кишлак. В результате чего два человека погибло и два было ранено, один из погибших – ребенок. Полицейских можно было понять – контрактники были самостоятельной силой, а умный менеджер базы позволял своим подчиненным немного зарабатывать и для себя, крышуя торговцев, и получая немного денег для себя, на карманные расходы. Тем самым они напрямую пересекались с интересами местной полиции, которая мечтала взять под контроль и транспортировку ресурсов, и добычу. Устроить скандал, связанный с расстрелом наемниками мирных жителей, что может быть лучше.

Однако скандал удалось затушить. В первую очередь благодаря тому, что у полицейских и местных не было пленки, которую можно было кинуть на Youtube. К плохим новостям публика давно привыкла, дерьмом ее не удивишь, тем более в месте, название которого и не выговоришь. Нужна была запись, причем именно с кадрами расправы, снятая на мобильник или камеру, прикрепленную к оружию. Запись, которую можно растиражировать, перепостить, смотреть – только она могла вызвать действительно серьезный скандал. А ее не было.

С другой стороны, и правительства западных стран, даже чувствительной и толерантной Европы, немного огрубели душой. Экономика держалась на соплях, на Ближнем Востоке все катилось кувырком – и от стабильного снабжения нефтью и газом зависело очень многое. Расстрел предпочли не заметить, в том числе и местные власти. Им тоже не надо было лишних проблем.

Ответственным за все сделали... Ивана! Как старшего к тому моменту, как началась перестрелка. Конечно, никакого судебного процесса не было, его просто уволили. А всем остальным дали путевки в отель на берегу Каспия. Поправить расшатанное здоровье.

И еще одна линия разлома легла на эту землю. Гнев, непонимание, безнаказанность, ярость, месть... Хотя, видит бог, их и так тут было достаточно.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Документ подлинный

В мечети Белоярского для всех желающих открыт специальный класс по изучению арабского языка. Как сообщает местный информационный центр «Квадрат», сегодня занятия постоянно посещают около 15 человек, часть из которых составляют русские.

Обучение проходит в смешанных группах, одновременно занимаются как уже освоившие алфавит белоярцы, так и новички. «У нас и взрослые, и дети занимаются вместе для того, чтобы ребяташки, смотря на старшее поколение, учились аккуратно писать и правильно выговаривать слова», – рассказывает инициатор идеи имам-мухтасиб Исмаил Ибрагимов, начавший изучать арабский в пятилетнем возрасте.

При этом он замечает, что сами курсы арабского начали работать уже давно, занятия проходили в тесноте, без парт и учебных пособий. Основными учениками были люди старшего возраста, желавшие понимать Коран в оригинале. Однако после получения губернаторского гранта на 150 тысяч рублей в качестве приза на региональном конкурсе культурно-просветительских программ Ибрагимову удалось закупить оборудование для класса и программное обеспечение для углубленного изучения языка.

Руководитель класса уверен, что в дальнейшем учеников у него станет больше. «Особенно здесь рады ребяташкам, ведь для них изучение арабского языка – не только национальные традиции, но и залог получения хорошего образования в будущем», – заканчивает «Квадрат» свое сообщение.

pn14.info

Север России. 9 мая 2020 года

Сегодня в России был праздник. Много лет назад – так много, что почти уже никто и не помнит, как это было, – русские военачальники принимали капитуляцию в Берлине.²¹ Капитулировал германский фашизм. Об этом сейчас тоже мало кто помнит... энциклопедии полны описаниями боев на Тихом океане и Дня Д – высадки в Европе. В то же время мало кто помнит, что из пяти убитых солдат рейха четверо были убиты на Восточном фронте. Фюрер Германского рейха, бесноватый Адольф Гитлер решил, что граница Европы должна проходить много восточнее. В результате она стала проходить много западнее, ибо вся Восточная Европа на сорок с лишним лет оказалась под коммунистическим влиянием. Теперь влияния не было, денег тоже не было, промышленности не было, а в некоторых странах не было уже и еды. Голодные бунты в Румынии, в Болгарии, распространение оружия в большом количестве. Приход к власти крайне правых в Польше с их идеями Речи Посполитой, которые могли вызвать катастрофическую региональную войну. Раскол Украины...

Одно было хорошо – свободных рабочих рук теперь хватало, и совсем недорого. Люди работали фактически за еду, валюты соревновались между собой в стремительной гонке на дно, и вся жизнь самого начала двадцатых сводилась к одной меткой и хлесткой фразе из русского: есть нечего, да жить весело...

Девятое мая Алекс Сэммел встретил в самолете. Легкий «Pilatus PS-6», известный рыцарям плаща и кинжала еще по веселым временам во Вьетнаме, самолет, изготовленный в Швейцарии и предназначенный для взлетов и посадок на неподготовленные площадки в горах, а уже в России оснащенный крупнокалиберным «НСВ», стал их Росинантом,²² перевозившим их от сайта к сайту. Сайтами – так на языке нефтяников называли кусты скважин, откуда либо тянулись трубы, либо нефть, – забирали огромные нефтевозы. Некоторые сайты работали вообще безлюдно, их проверяли время от времени команды, перелетающие с места на место на таких же вот «Пилатусах», а некоторые, наиболее крупные, были обитаемы. К ним были пристроены городки нефтяников, прикрытые со всех сторон пуленепробиваемыми щитками и мешками с песком HESCO. Нефтяники носили бронежилеты – это была не прихоть, а условия медицинской страховки, если тебя ранят или убьют без бронежилета – свои два миллиона долларов тебе не видать как своих ушей. Рядом с каждым таким обитаемым сайтом была легкая посадочная площадка, а так пейзаж представлял собой унылую, покрытую мхом, кое-где невысокими деревцами пустыню, кое-где разбавленную озерцами с темной, стоячей водой. Все то же самое, что и в Ираке, только холодно и вместо песка вся эта дрянь...

– Сэр, мы здесь не первые... – сказал один из гардов, летевших с Сэммелом в качестве и личной охраны, и инспекторов по безопасности, которые должны были проинспектировать сайт и дать свое заключение. Сэммел решил начать свою работу менеджером с полного облета всех без исключения объектов, какие были под его контролем, и определения их слабых мест. Любой профессионал ничего не оставляет на волю случая – вот и он хотел знать, в каком лукошке какие орешки лежат...

В начале полосы стоял самолет. Не «Цессна», какие обычно использовались в Ираке, – тот же «Пилатус», только двенадцатая модель, более комфортабельная. Небольшой, бизнес-джет, на

²¹ Мало кто знает, что первая капитуляция была подписана седьмого мая сепаратно, то есть без СССР. После чего объединенные германо-американо-британские войска должны были пойти в наступление против советских войск. Это и был план «Немыслимое», предложенный У. Черчиллем. Повторная капитуляция – уже и перед СССР – тоже состоялась благодаря нажиму И. В. Сталина и тем, что Ф. Д. Рузвельт не поддержал У. Черчилля. Если бы вместо Рузвельта был Трумэн, скорее всего, Вторая мировая война без перерыва переросла бы в третью...

²² Лошадь Дон Кихота.

одном турбовинтовом двигателе. Такие использовались в дурных местах, подобных Австралии, где не было нормальных ВПП и садиться приходилось где попало.

– Периметр чист, – доложил пулеметчик, не отвлекающийся от своей работы.

– О'кей, садимся...

На сайте и в самом деле оказалась еще одна инспекция. Главным был невысокий, коренастый, довольно молодой господин, который явно был менеджером, и не среднего звена, но носил, как и все рабочие, плотную робу темно-синего цвета с красными вставками и логотипом компании. Они с Сэммелом подозрительно уставились друг на друга, вспоминая...

– Я вас знаю? – спросил топ-менеджер.

– Вероятно, да, сэр. – Алекс Сэммел вспомнил. – Душанбе. Три года назад...

Менеджер принужденно рассмеялся, пригладил волосы. Мелькнули часы – Фредерик Констан, не хухры-мухры...

– Да уж, такое не забудешь. Я, кстати, вас и не поблагодарил тогда, верно?

– Это наша работа, сэр.

Менеджер повелительно махнул рукой.

– Перерыв, сорок минут. Можете пообедать.

С ним было человека три. Явно спецы в своих областях, инженеры высокой квалификации.

Они вышли на полосу, к самолетам, за ограждение. С Северного Ледовитого океана дул холодный, совсем не летний ветер...

– Черт, я у вас имя тогда не спросил... – сказал менеджер, щурясь и пытаясь закурить на ветру сигарету.

– Алекс Сэммел.

– Чандри Чакрапурта... – представился менеджер, – операционный директор «Бритиш Петролеум» по России.

– Региональный менеджер безопасности. А вы, сэр, сменили работу?

– Да... – индеец махнул рукой, – что-то мне перестало нравиться то, что происходит в Америке. Там победит кто-то один, или белые, или черные, или испанцы, но в любом случае Америка уже никогда не будет такой, как раньше. Да и платит ВР неплохо, как операционный директор, то есть директор филиала, я получаю больше, чем в «Эксон Мобайл» на должности вице-президента. Да еще эти чертовы налоги... Я, кстати, подал здесь заявление на гражданство.

– Здесь, сэр? – удивился Сэммел.

– Именно. Отдавать две трети жалованья этим ублюдкам, которые на эти деньги тащат в страну беженцев, создают им условия и занимаются всякой хренью, мне порядком осточертело... – Индус злобно выругался. – Здесь пока плохо, но я почему-то уверен, что будет лучше. И такого дерьма, как там, здесь нет. Я, кстати, учился в России, в Институте имени Губкина. Хорошее образование мне до сих пор помогает...

Сэммел вздохнул:

– Я сам русский. Правильно – Александр Самойлов, Сэммел это уже по паспорту. Родители уехали в США в девяностые...

Индус рассмеялся:

– Воистину – тесен мир...

– Да уж...

Они помолчали – как люди, которые искренне хотят поговорить и подружиться, но пока между ними мало общего для разговора.

– Сэр, я так понимаю, что мы здесь надолго, – сказал Сэммел. – Как вы оцениваете перспективы добычи?

Индус энергично взмахнул рукой.

– Отлично! Просто отлично! У русских была построена совершенно идиотская система налогообложения, при которой было невыгодно максимально выбирать нефть из скважины, наоборот, русские хватали то, что легко схватить, и шли дальше, при этом построив всю инфраструктуру. При их налогах и их запасах было выгодно поступать именно так. Мы натываемся на скважины, не выбранные и на двадцать процентов, как только дебит скважины начинал падать, они бросали ее и шли на другую. Им выгодно было показывать как можно большие затраты, чтобы не платить налоги, при этом добывать как можно меньше. Видимо, это было связано с коррупцией и неэффективностью государства. С нашими технологиями я уверен, что только по первой категории добыю как минимум пятидесятипроцентного извлечения запасов, а если применить технологии гидроразрыва, то можно дойти и до восьмидесяти процентов. Инфраструктура готова, ее только подремонтировать немного, кое-где переложить трубы – и можно работать.

– Если бы не терроризм...

Индус помрачнел.

– Да...

– Я намерен дать серьезный бой этим мразям, сэр, – сказал Сэммел.

– Я полностью поддерживаю, – решительно сказал индус, – полностью поддерживаю. Как только вспомню Душанбе...

– Ты еще не видел, что было потом...

– Я рад это слышать, сэр.

– Что от меня требуется? – перевел вопрос в реальную плоскость индус.

– Ну, прежде всего понимание и поддержка. С терроризмом не договориться, верно?

– Верно. У нас у самих в стране черти что творится. Эти ублюдки в Кашмире... на них давно пора сбросить атомную бомбу. Они не нападают на военных, они их боятся. Вместо этого они взрывают дома, школы, нападают на автобусы. Недавно вырезали больницу и сказали, что это угодно Аллаху. Что мы многобожники и наша смерть угодна Аллаху. А что творится в Пакистане, я уже не говорю. После того как американцы ушли из Афганистана, там сейчас настоящий ад.

Да уж... Они злобны и безжалостны, но в то же время наивны и просты как дети. Когда американцы были в Афганистане – можно было грабить караваны и конвои, продавать все это на рынке, требовать с американцев деньги за то, чтобы пропускать по своей территории караваны без обстрелов. И власти Пакистана – они тоже могли требовать денег, помощи оружием, военных инструкторов, «на борьбу с терроризмом», шантажируя взрывом террористической активности, дестабилизацией всего региона и тому подобными вещами. Но самое главное – американцы давали смысл жизни – джихад – и объяснение того, почему жизнь так плоха, почему они живут в грязи, в мерзости, в запустении, живут как скоты. А после того как американцы ушли, не стало ничего. Не стало денег, которые здесь еще отцы зарабатывали только джихадом, не стало врага, против которого можно было воевать. Самое главное – не стало объяснения, почему все так мерзко, страшно и убого, почему треть детей умирает еще до года, а через весь кишлак течет зловонный ручей нечистот, который тек и при отцах, и при дедах, и при прадедах. Не стало ни американских ботинок, ни американской одежды, которая удобна и годами не рвется, ни топлива, которое можно слить с обстрелянного бензовоза, ни доступного металлолома у американских баз, который можно собрать и сдать.²³ Осталось только то дерьмо, что вокруг тебя. Да сосед, который жаждет мести за какую-то историю столетней давности.

²³ Сдача металлолома – один из народных промыслов афганцев, почти вся пакистанская металлургия работает с афганским металлоломом. Недавно произошла полуанекдотическая история: когда начали выяснять, как отряду «Талибана» удалось проникнуть на базу Кэмп Бастион, выяснилось, что перед этим афганцы из табора беженцев рядом с базой срезали и сдали на металлолом часть колючей проволоки с ограждения базы, а британским солдатам не разрешено было в них стрелять.

И выход только один. Либо жить как скоту, и подохнуть как скоту, в блевотине и отвращении к самому себе, в осознании собственной отсталости и убогости. Либо идти вперед. Вперед и вперед, туда, где еще можно взять что-то ценное, где женщины и дети, где мужчины, похожие на женщин, не готовые драться и умирать за свою землю и свои семьи, где протестовать и воевать способны только против своего государства, а главный протестный метод – уехать. Вперед, и только вперед, не слушая кличей и воплей, не прислушиваясь к голосу разума, трактуя Коран так, как нужно в данный момент, не хороня мертвых и не думая о живых. Вечное настоящее и вечная война, джихад до победы, светлое будущее в виде всемирного Халифата, в который никто не верит. И очередная страна, грабя которую можно прожить еще год, два, пять...

Сирия, Пакистан, Ирак, Индия, Ливан, Азербайджан, Грузия, Таджикистан, Туркменистан, Казахстан, теперь вот – и Россия. Чистые и ухоженные города, дома, в которых есть горячая вода, чистенькие, не знавшие лишений дети – дети неверных, над которыми можно надругаться, можно заставить прислуживать себе, продать, угнать в рабство. Чистые руки, правильные слова и сострадание к несчастным, которые заменяют пулю, кнут и праведный гнев отцов и дедов, – о, будьте уверены, несчастные по достоинству оценят заботу. И таких стран хватит на наш век, а то, что с нами будет потом... ведь это будет потом, не правда ли...

Похоже, что тыл был. Проблема, с которой сталкивались армейские офицеры, переходя в ЧВК, была в том, что в армейских терминах нет понятия «заказчик». Заказчик, который платит деньги и потому всегда прав. Но одновременно с этим заказчик не является профессионалом, и потому очень важно найти тонкий баланс между выполнением пожеланий и требований заказчика и тем, что действительно нужно сделать, объяснить заказчику, что для него самого лучше лишь определять политику в целом, оставив остальное на откуп профессионалам. И нет более легкого пути вылететь из бизнеса, чем раз за разом вступать в конфликт с заказчиком. Если ты приносишь фирме деньги, если заказчик платит – она будет тебя прикрывать и поддерживать, что бы ты ни делал. Если денег нет... тогда ничего нет. Жестко, но в чем-то очень правильно. Если бы военная служба была поставлена именно так – они никогда не оказались бы в этом долбаном Эй-стане, откуда и происходят все их теперешние неприятности...

– Я понимаю... – открыто сказал индус, – что ваша... успешность как менеджера региона будет зависеть и от тех отчетов, которые я буду посылать в штаб-квартиру. И поскольку у меня есть основания доверять вам как профессионалу, я намерен дать вам серьезный карт-бланш, по крайней мере на первое время. Дальше по обстановке, сами понимаете. Я не дурак и понимаю, что будет, если перегнуть палку. Тот же Душанбе...

– Душанбе нельзя сравнивать с местной обстановкой, сэр, – сказал Сэммел, – это совершенно разные вещи. В Таджикистане местные жили четверть века в обстановке фанатизма, злобы и убожества, без образования, без нормальной работы, медицины и всего прочего. Здесь мы находимся на территории бывшей сверхдержавы, которая первая запустила человека в космос. По какой-то причине – здесь оказалось большое количество молодых и агрессивных фанатиков, которые требуют свой фунт мяса, но это не их земля и не их страна, сэр. Здесь мы можем остановить весь этот кошмар в зародыше, обеспечить работу вам, мир русским и, наверное, всему миру. Потому что если будет война и здесь, то война будет везде, в Европе... везде, свободного места больше не останется. Я хочу попробовать. По крайней мере, попробовать. А вы, сэр?

Индус подумал. Потом решительно протянул руку:

– В деле. Не скажу, что до конца, но по крайней мере не до первого траббла.

Соглашение было заключено.

– Каковы ваши планы? – спросил индус.

– Первым делом надо укрепиться. Поэтому я намерен облететь все сайты до единого.

Индус утвердительно кивнул.

– Затем уже начнем разбираться. Слышали про взрыв в городе?

– Слышал... ужас.

– Нужно минимизировать количество вашего персонала, который будет находиться в городе. Здесь, на открытой местности, будет намного безопаснее.

Индус недоверчиво повел плечами.

– А если... нападение?

– Будут группы быстрого реагирования. У нас есть вооруженные самолеты, сэр, и я намерен создать пару промежуточных аэродромов с тем, чтобы добираться до места как можно быстрее. У нас есть беспилотники, и можно поставить списанные армейские системы наблюдения. После того как мы ушли из Афганистана, их на рынке полно. И можно купить дешево. Что думаете?

– Без проблем, – индус легко расстался с деньгами.

– Отлично. И я намерен поставить на каждой обитаемой точке опечатанные ящики с оружием и провести краткий инструктаж по его применению.

Индус вопросительно поднял брови. Это было против всяческих правил, прежде всего против международного права, делящего сражающиеся стороны на комбатантов и некомбатантов. К этим нормам были еще какие-то нормы... например, что журналисты не имели права носить оружие на работе. Нефтяники – были, можно сказать, «живым товаром». И если на них нападали, они должны были покорно сидеть и ждать, пока их охрана разберется с нападающими: допустимы были только пассивные средства защиты, такие как бронежилет или укрепленный автобус. Если же по каким-то причинам охране отбить нападение не удавалось, нефтяники попадали в руки боевиков и должны были ждать, пока их выкупят, освободят силой или пока кто-то отрежет им голову перед камерой во имя Аллаха. Последнее случалось все чаще и чаще: обе стороны озверели и уже не задумывались о пиар-имидже своих действий.

– Это необходимо, сэр. Каждый человек имеет право защищать себя и свою свободу. А что касается договоров и всего прочего... они никаких договоров не соблюдают. Чеченцы – известные похитители людей.

– У нас будут проблемы со страховщиками. И индивидуальные страховки, и по оборудованию. Не думаю, что страховщикам понравится, что каждый сайт теперь еще и огневая точка. Они страховали некомбатантов, а не солдат.

– Сэр, если на тебя напали, есть только один выход из двух. Либо поднять руки. Либо сражаться. В морской пехоте США меня научили второму. Захват заложников – то, с чем я не хочу иметь дела ни при каком раскладе. Страховщики, я уверен, тоже.

Индус хитро усмехнулся:

– Я человек мирный. Но мне нравится ход ваших мыслей. Да, нравится. Думаю, мне удастся убедить кое-кого.

– Мы разместим звуковые пушки, сэр. Они хорошо помогали и помогают против пиратов. Но если это не сработает, надо быть готовым ко всему.

– Хорошая идея. Предоставьте презентацию и сметы по проекту. У нас есть кое-какие фонды, которые мы сэкономили. Почему бы не направить их на обеспечение безопасности работников, а? Это будет хорошо выглядеть.

– Да, сэр. Наверное. И еще одна просьба.

– Да?

– Может так получиться, что придут местные чиновники и попросят о чем-то. Но это никогда не кончится, и аппетит разгорается только во время еды. Им будет хотеться все больше и больше. Я не ограничиваю вас в действиях, в них вас может ограничить только ваша компания, но я был бы очень благодарен, если бы вы поделились со мной соображениями, сэр. Мы должны играть в две руки.

– Это не всегда возможно.

– Я это понимаю, сэр. Москва и дела, что творятся там, меня не интересуют.

– Тогда все нормально. Здесь у меня свободны руки.

Индус помолчал немного, а потом добавил:

– А я ведь вас помню...

– Откуда?

– Душанбе. Я был в том отеле... Скажу честно, у меня нет особого доверия к службам безопасности. Но вам – лично вам – я доверяю...

Недалекое прошлое. Каспийское побережье. 18 августа 2017 года

После серьезного инцидента с подрывом перегонной станции и гибелью гражданских лиц от огня контрактников их отправили в отель на побережье Каспийского моря. Немного отдохнуть и поправить здоровье – это официально. Неофициально – чтобы понять, что с ними делать. Решения могли быть приняты самые разные – в зависимости от резонанса, публикаций в западных СМИ, вмешательства ООН или неправительственных гуманитарных организаций. Те, на которого они работали, когда-то выполняли ту же самую работу, как та, что они выполняли сейчас, и прекрасно все понимали. Местные – среди них нет мирных, они единый организм, и любой нищий крестьянин, стоит ему раздобыть винтовку, тут же становится боевиком, экстремистом. Их обстрелял снайпер, а потом их обстреляли и из села, и никто из военных не сомневался, что это так и было. Но если вмешаются «гуманитарники», то следует сделать вид, что все было по-другому, и кого-то отдать на растерзание. Эта война... она была совершенно безумна в том смысле, что величайшая в мире сверхдержава воевала со страной, в которой тридцать лет шла война и где не было армии как таковой – народ и представлял собой армию, сражающуюся либо против общего врага, либо друг против друга. И если лет пятьдесят назад военная операция была бы закончена за месяц, то тут она растянулась на четырнадцать лет. Столь явное силовое превосходство порождало некое неосознаваемое, но четкое и недопустимое в условиях войны чувство вины перед врагом, а правозащитники, специалисты по этике, слетались на такую ситуацию как мухи на дерьмо. В итоге вместо быстрого и милосердного насилия – милосердного в том смысле, что тот, кто мешает, должен быть быстро убит, а тот, кто лоялен, может начинать строить новое государство – все это привело к многолетнему кровавому кошмару без видимых результатов, к дестабилизации соседнего ядерного Пакистана, к дестабилизации всего макрорегиона с населением более миллиарда человек. В третьей фазе их присутствия в Афганистане доходило до того, что спецназ, окружив строение, где находились боевики, должен был через мегафон предупредить о своем присутствии и предложить сдаться. У немцев правила были еще круче – снайперы выпускали опознанного террориста только потому, что в данный момент он вел себя неагрессивно – просто уносил ноги. Боевики быстро просекли тактику и теперь при предложении немедленно сдаться – немедленно сдавались. Их передавали афганским властям, те через пару месяцев их отпускали, а изъятое и переданное афганским полицейским оружие пускали на рынок на продажу. Некоторых боевиков так задерживали несколько раз. И здесь, на территории бывшего СССР, было то же самое. Были диктатуры, более или менее устойчивые, нарушающие права человека, включенные в проскрипционные списки Международной амнистии. Был Афганистан, в котором зверствовали талибы. Были природные ресурсы, которые надо было добывать и отправлять тем, кто в состоянии за это заплатить. Был Китай – он предлагал ввести войска бесплатно, но диктаторы шарахались от этих предложений, понимая, что войска эти он потом не выведет. Было население – нищее, забитое, уставшее от произвола и диктатуры, в основном безработной, восприимчивое к словам проповедников из-за кордона и желающее сделать простое и понятное исламское государство, вместо диктатуры отдельных ненавистных личностей, этаких царьков позднесоветского разлива. И были они. Наемники, воюющие за деньги, содействующие диктаторам, получающие деньги от добычи природных ресурсов, помогающие подавлять местное население, которое всего лишь хочет свободы.

А потом, когда местное население все же получит свободу – примерно такую, какую получило население Афганистана, – правозащитники скажут, что во всем виноваты опять-таки они. Как в Сирии – в том, что страна оказалась под ударом исламистских банд, обвинили Башара

Асада, сказав, что он позволил доброкачественным народным протестам перерасти в злокачественный исламский террор. Прямо так, хоть стой – хоть падай...

Но пока что они отдыхали на побережье Каспия.

Каспий – некогда внутреннее море Советского Союза, только один его берег – иранский. Сейчас его делят бывшие советские республики. Когда были коммунисты – они почему-то не строили на Каспии отелей, почему – непонятно. Сейчас туркмены построили на побережье несколько великолепных туристических комплексов, включая и пятизвездочный отель «Шахерезада», открытый совсем незадолго до того, как все покатилося кувырком. Они и в хорошие времена были полупустыми – бывшие среднеазиатские республики СССР не особо привлекали туристов. Пугала закрытость их, жуткие репортажи и отчеты правозащитников о царящем в этих странах произволе, неразвитость туристических маршрутов – большинство потенциальных туристов, например, даже не представляло, где эти страны находятся и как до них добраться. Теперь же на берегу Каспия была строго охраняемая зона, где отдыхали, а иногда и жили и работали те, кто обеспечивал добычу и транспортировку природных ресурсов.

Алекс Сэммел был здесь уже вторую неделю. За последние годы ему нечасто представлялась возможность отдохнуть, и возможностью этой он пользовался на всю катушку. Ходил на пляж, жарился под немилосердным августовским солнцем. Официально здесь был сухой закон, но у контрабандистов можно было купить пиво и русскую водку. Пиво тоже было русское, марки «Балтика», неплохое. Особо не напивались – неадекватным поведением можно было испортить репутацию и доиграться до увольнения. Не было проблемы и с женщинами. Официально их здесь не было, и их специально предупреждали о том, чтобы не вздумали прикасаться к местным женщинам, дабы не повышать градус напряженности. Однако женщин можно было найти, едва выйдя за охраняемый периметр или договорившись с кем-то из обслуживающего персонала. Женщины здесь были доступными, договориться было легко. Нищета, скотское отношение к женщинам со стороны местных мужчин, пришедший из Афганистана и все более распространяющийся гомосексуализм и педофилия заставляли местных женщин буквально мечтать о нормальном мужчине, который не наденет на нее мешок с прорезями и не забьет камнями, если она сделает что-то не так.

И в этот день было все как обычно... с утра он проснулся, сделал зарядку, скушал завтрак, после чего отправился на пляж и лежал на солнце... а в паре метров от него тяжело дышал древний Каспий, видевший многих завоевателей и многие государства – но оставшийся самим собой. Когда настало время, он решил пойти пообедать... и тут увидел быстро идущих или бегущих к отелю людей. Нескольких, не одного...

Что-то произошло... – бухнуло в груди.

В холле отеля на глазах собиралась небольшая толпа. Все взгляды были устремлены на плазменную, стодвухдюймовую панель, укрепленную над ресепшеном. Телевизор был настроен на англоязычную Аль-Джазиру. Показывали какой-то город, горящие машины и баррикады на улицах... вот бронетранспортер с размаху врезался в баррикаду... откатился, облитый пламенем из брошенной на него бутылки. Все это было слишком знакомо всем собравшимся... год за годом... страна за страной катились в пропасть под пристальным оком бесстрастной телекамеры и с криками «Аллах акбар!». И они не могли ничего сделать с этим... ничего.

– Твою же мать... – выругался кто-то.

...И как только что стало известно, большая часть армии Таджикистана отказалась выполнить приказ о разгоне людей, требующих отставки президента Солони. В настоящее время восставшие ведут бой с оставшимися верными правительству частями в районе здания правительства и президентского дворца...

Ну п...ц...

Таджикистан, Душанбе. 18 августа 2017 года

– Цель прямо по курсу, десять минут! Заходим с севера! – проорал вертолетчик.

– Десять минут! Проверить снаряжение!

Это был «Ми-17», русский транспортный вертолет с дополнительными баками, который развозил инженеров по месторождениям, по буровым вышкам то тут-то там сосущим черную кровь Каспия, подобно комарам. Вертолет надежный, знакомый многим по Афгану – там даже морские котики высаживались с них. Экипаж весь был русский, компании «Ютейр», нанятой для обслуживания месторождений. Пилот оказался отставным полковником ВВС России и за пятьдесят тысяч долларов наличными согласился слетать в Душанбе и обратно, чтобы вывезти тех, кого нужно вывезти. Пятьдесят косых, кстати, не такие большие деньги, как они были пять лет назад. Машину купишь нормальную, но без излишеств. Да только что сейчас машина...

Из вооружения у них был только пулемет «ПКМ» и тяжелая снайперская винтовка «Барретт-82» с некоторым количеством патронов. На случай, если придется иметь дело с русским БТР или БМП. Пулемет примостили в широкой сдвижной двери десантного отсека на толстом, натянутом меж стенок канате – так же поступали стрелки, которые охотились на сомалийских пиратов и контрабандистов в Мексиканском заливе. Около пулемета сидел Дик, старина Дик Брезер, легенда Корпуса морской пехоты США, ганнери-сержант, воюющий и в пятьдесят семь лет – не потому, что ему нужны были деньги, а потому что он все привык доводить до конца. В вертолете были только добровольцы, и не просто добровольцы, а добровольцы, отобранные из числа всех желающих, лучшие из лучших. Способные и стрелковым отделением удерживать крупное здание до тех пор, пока не удастся эвакуировать всех гражданских. Здесь были люди из Дельты, из морских котиков, пи-джеи,²⁴ люди из восточноевропейских спецназов. Были и морские пехотинцы – наконецник копья. Из всех – на Морскую пехоту США выпала наибольшая тяжесть в ходе Долгой войны, и не просто так морские пехотинцы считались наиболее подготовленной частью американской военной машины. Они должны были вывезти гражданских из разбушевавшегося города, в котором это уже второй мятеж за последние три года.

– Пять минут!

Сэммел сидел рядом с Диком Брезером – как сказал ему старик, держись рядом. Тот уже надел шлем и проверил свою винтовку – единственную в группе «М4». Все остальные были вооружены различными вариантами «калашниковых», потому что боеприпасы к ним стоили здесь втрое дешевле. А те, кто выбрал темный путь наемника, умеет считать.

– Пора надрать кое-кому задницу, а парни?! – подмигнул Брезер. В полном снаряжении, с оружием – он совсем не казался старым. Один из тех сукиных сынов, которые не умирают, а отходят в ад для перегруппировки. Такие же – штурмовали Окинаву, высаживались в Инчхоне, чтобы спасти хотя бы половину Корейского полуострова от озверевшей большевистской орды, воевали в окруженной Кхесани. Таких нельзя купить, таких не делают серийно, но на них стоит любая армия. Они воюют не за деньги – они воюют за то, во что верят. Скорее даже не так – с теми, кого они ненавидят...

– Сэр, а вы в курсе, что тут была гражданская война двадцать лет назад? – крикнул Сэммел, уже проверивший свой «АК».

– И что?

– Четверть миллиона людей перебили.

²⁴ Пара-джамперы, парашютисты-спасатели – спецназ ВВС США, предназначены для поиска и спасения сбитых летчиков в тылу противника.

– Да? В таком случае я намерен увеличить, мать их, это число! Гунг-хо,²⁵ ребята! Увеличим счет!

– Увеличим счет, мать их, сэр!

Приветственные крики, выброшенная вперед чуть ли не в нацистском приветствии рука. Если бы кто-то это сейчас снял и выложил на Youtube, поднялась бы просто буря эмоций. Современный человек не сталкивается со смертью, он думает, что даже добрый кусок вырезки, которую он покупает в супермаркете, корова отдала по доброй воле. И ему становится не по себе, когда он видит настоящее, он видит, как люди готовятся убивать – даже если эти люди на его стороне. Он просто не задумывается, что эти хитрожопые засранцы – все, что отделяет обычного обывателя от разъяренной, дурнопахнущей бородатой толпы с белыми от ярости глазами. Правда, кое-кто уже начинает понимать. В США, несмотря на несколько боен, так и не удалось серьезно ограничить продажи штурмового оружия. В Венгрии – у власти находятся крайне правые, а цыган избивают и выдворяют из страны. В Германии и Франции ультраправым удалось сформировать свои фракции в парламенте, причем во Франции – вторую по численности. Успеет ли только...

Сэммел выглянул за окно, увидел исполосованное трассерами небо, костры пожаров в самых разных частях города. Несмотря на темноту, бандиты не унимались, и боевые действия продолжались, перерастая в грабежи. Вошедшие в город басмачи, моджахеды с горных центров подготовки в Горном Бадахшане, вышедшие из-под контроля полицейские и военные брали свою долю, устанавливали вместо власти денег и условных порядков Запада самый древний и самый действенный закон – закон силы.

Только бы не подбили. Рухнем здесь – просто разорвут...

Первая задача – усилить оборону зданий отеля «Хайатт Ридженси» Душанбе и двадцатизатжки «Душанбе-Плаза» рядом, эвакуировать заблокированных там нефтяников и специалистов международных организаций. Это в районе проспекта Сомони.

Вторая задача – содействовать в эвакуации беженцев, которая будет проводиться силами морской пехоты на базу в Казахстане. Дальше – по обстановке...

По брюху вертолета как молотком ударили. Пулеметчик обернулся, глаза его были не испуганными, скорее веселыми и обозленными. Он сидел на куске брони, которую вырезали из подбитого БТР, равно как и они все. Такая вот «подстилка» была у каждого из них...

– Стреляют, сэр...

– И ты стреляй! – заорал Брезер.

– Понял, сэр...

Загремел пулемет. Пулеметчик выругался – горячие гильзы падали и на него тоже...

– Минута! Одна минута!

– Зарядить оружие!

Заклацали передергиваемые автоматные затворы. В отличие от «М4», автомат Калашникова, когда его взводишь, издает такой сочный металлический звук. Рок-н-ролл, твою мать!

– Площадка повреждена! Освещения нет!

– Площадка повреждена! Приготовиться к штурмовому десантированию!

Пилот подвел вертолет аккуратно к самой крыше. Завис. До крыши было футов десять, казалось бы, ерунда, но сломать или вывихнуть ногу – запросто...

Первый. Второй. Третий...

Сэммел прыгал четвертым. Каждый раз, когда кто-то выпрыгивал из вертолета, он немного поднимался, и теперь до крыши было футов двенадцать, не десять. Он промедлил секунду и вдруг понял, что вертолет сдвигается в сторону.

²⁵ От искаженного китайского иероглифа, обозначающего преданность. Впервые появилось, когда морпехи воевали в Китае.

– Твою мать!!!

Он прыгнул в темноте, ориентируясь на ХИС и так и не понимая, куда он прыгает – на крышу или мимо. Сердце пропустило удар... пара секунд до земли и мясная лепешка. Но это была крыша... проклятая крыша с коробками кондиционеров и всякой дрянью. Он больно ударился ногами, но эта боль была подтверждением того, что он еще жив...

Вертолет уходил в сторону – и струя трассеров, огромных как футбольные мячи, пыталась его нащупать. В самом вертолете кого-то из всех сил пытались удержать и затащить обратно в люк.

Господи, они что тут – четверо высадились? И что, нахрен, происходит!

Кто-то бежал к нему, он схватился за автомат, но это был свой. Штаб-сержант Пол Аргант из тактической группы спасения TRAP, еще одного элитного подразделения морской пехоты, предназначенного для миссий по спасению летчиков за линией фронта.

– Ты о'кей?

– Да! Что, нахрен, происходит?!

– БТР на улице! БТР бьет по зданию! Надо его вырубить ко всем чертям!

– Чем?!

– У нас есть винтовка! Винтовка!

Ага. Значит, их снайпер, Дик Слейшер, бывший инструктор из Куантико и должен был прыгать пятым. Сбросил свое барахло, а сам не успел...

– Тогда пошли!

Они перебрались через металлические короба кондиционеров, нашли двоих, распаковывающих винтовку. Харальд, норвежец из морских егерей, и Том из сорок второго полка командос морской пехоты Ее Величества. Рядом валялся активированный ХИС.

– Что?

– Цела!

Как раз в этот момент пуля из пулемета, скорее всего шестидесятого калибра, задела стену. Грохот удара они услышали даже через стрельбу и шум вертолетных лопастей, взметнулись, полетели во все стороны куски бетона.

– Ублюдок, мать его! – выругался Том. – Этот сукин сын чуть всех нас не угробил.

Кстати, да. Попади он с первого раза в вертолет – и хорошо, если бы на крышу рухнули. А то и с двадцатого этажа...

– Кто возьмет?

– Я, – сказал Сэммел.

Трое посмотрели на него.

– Я курс подготовки проходил. Отвлеките его! Вон там! Хоть чем! И дайте несколько секунд!

Аргант достал из жесткого кейса футляр с трубой наведения.

– Я за наводчика. Не подставляйтесь!

– Долбанные морпехи... – сказал Том.

– Я тоже тебя люблю. Пошли!

Винтовка весила больше двадцати фунтов и заряжалась патронами толщиной больше указательного пальца. Сэммел включил фонарик, сунул его в зубы, начал искать бронебойные...

Луч света высветил бело-зеленую маркировку на носике пули.²⁶ Отлично!

– Что там?! Видишь его?! – Пальцы уже разорвали коробку и засовывали патроны один за другим в магазин.

²⁶ Марк 211 мод 0 – патроны норвежской компании NAMMO, правильное название Raufoss Mk 211. В патроне небольшой заряд взрывчатки, потому что действие его – как снаряда 20 мм Эрликона.

– Вижу! Ублюдок бьет по гражданским зданиям. Маневрирует.

Здесь все сошли с ума. Все разом сошли с этого гребаного ума. Здесь нет места милосердию – практически никакому. Здесь, занимая какую-то территорию, первым делом начинают грабеж и расправу с местным населением, которое виновато лишь в том, что принадлежит какой-то «не той» семье, роду, клану или национальности. Вот этот ублюдок, который лупит сейчас по зданиям из армейского пулемета калибра.60, думаете, он по ошибке это делает? Да ни хрена! Он всех ненавидит. И хочет, чтобы мы убрались, – не важно, сколько при этом ляжет.

С..а.

Снаряженный магазин встал на место.

– Долго еще?

– Все!

Винтовка была огромной. Для любого солдата, привыкшего к своему штатному оружию, просто чудовищно огромной. С тех пор как ее придумали, одна огневая группа могла распоряжаться мощностью тяжелого пулемета, выбивая цели, которые ранее были доступны лишь взводу. Одним видом она внушала уверенность, что врагу – кем бы он ни был – не поздоровится...

– Давай!

– Дальность! Пятьсот семьдесят! Цель! БТР! На час! Двигается!

Было темно, очень скверно видно. Улица – это был какой-то проспект – чередовалась из темных мест и освещенных пожарами. И где-то там был БТР и засевший в нем за пулеметами ублюдок. И если бы один – с улицы мочили из всех стволов...

– Не вижу!

– Большой пожар! Строго на нас! Три клика вправо!

Он увидел его наконец-то. Помогло, что бронетранспортер открыл огонь – на сей раз из «ПКМБ», станкового пулемета.

– Вижу цель!

– Давай!

Винтовка отдала в плечо, дернулась. Отдача была даже ниже, чем у гусиного ружья, гениальная конструкция винтовки поглотила большую ее часть...

– Промах! Влево на клик!

Пулемет ударил по ним, красная цепочка трассеров потянулась в их направлении.

– Стой! Сдает назад!

Видимо, водитель что-то понял, резко начал сдавать назад. БТР был похож на темную массу, ворочающуюся на проспекте...

– Видишь его?!

Сэммел выстрелил снова. И в прицел увидел вспышку. Срабатывание норвежского небойного патрона – его действие чем-то похоже на действие гранаты «РПГ».

– Попал!

БТР остановился.

– Покидают машину...

Было видно, как стрелки на улице переориентируются на них, начинают бить сразу с нескольких точек...

– Пристреливаются. Валим...

* * *

К их удивлению, в гостинице было не все так плохо...

Со второго захода вертолет высадил оставшуюся часть их взвода и отошел, чтобы приблизиться второй раз и принять гражданских. Зависать было смертельно опасно, а запас по топливу был.

Гражданские сконцентрировались на верхних этажах, в основном в коридорах – офисы простреливались с улиц. Спасло то, что местные здесь позаботились о собственной охране, особенно после предыдущего мятежа. Среди тех, кто укрылся в двадцатипятиэтажном здании «Душанбе-Плаза», был и Чандри Чакрапурта, вице-президент «Эксон Мобайл» с собственной небольшой охраной, которая вместе с охраной здания до сих пор отбивала атаки упоротых, озверевших от анаши и крови исламистов, второй раз за три года получивших волю...

Вертолет завис над крышей, и в него как сельдей в бочку умяли тридцать гражданских. После чего он взял курс на Туркменистан, где было спокойно. Пока...

В Душанбе продолжался бой. Небо то тут, то там рвали трассеры, над восточными окраинами рдело зарево пожаров...

– Где, мать их, морская пехота... – сказал кто-то, явно не американец.

– Здесь, – громко ответил Сэммел. – Есть вопросы, парень?

Вопросов не было...

Брезер достал спутниковый, сети INMARSAT, набрал номер.

– Сэр, это Лидер Янки, – назвал он свой позывной, – птички в полете, повторяю – птички встали на крыло, как поняли?

Все смотрели по своим секторам. Но прислушивались и к разговору. А он, судя по репликам, был нелегким...

– Так, парни, внимание на меня! – крикнул Брезер, закончив. – У нас большие проблемы! Только что поступило сообщение – начался штурм посольства. Штурм ведется большими силами, до утра они могут не продержаться. Там и гражданские, и наши. И мы – единственная группа в распоряжении ЦЕНТКОМА.

– Сэр, а как же... база в Казахстане? В Кыргызстане? – растерянно сказал кто-то.

– Никак. Кавалерия появится только к утру. Это неофициальная просьба, можно так сказать. Не приказ.

– Сэр, выходить ночью в город, без подготовки – это безумие.

Сэммел ничего не сказал – хотя, по сути, был согласен.

– Именно поэтому я предлагаю сейчас поднять руки тем, кто готов пойти. Остальные останутся оборонять здание и ждать следующего рейса вертолета! Но я сказал кое-кому, что мы уже выполнили то, за что нам заплатили! И не прочь пнуть пару задниц в нагрузку. Итак?

Да, они были наемниками.

Но они были и солдатами.

– Я пойду, сэр, – сказал Флейшер.

– И я, – сказал Сэммел.

– И я, – сказал еще кто-то, – и катись оно все...

* * *

Посольство было на проспекте Сомони, до него было совсем недалеко, но сейчас каждый шаг был как в гребаном Хюэ в шестьдесят восьмом. Никто не знал, где и какие силы находятся, они не получали никакой поддержки от правительственной армии. В холле гостиницы было около двадцати полицейских с оружием, неподготовленных и совершенно ошалевших. Хорошо, если они смогут продержаться здесь, на позиции, и не допустить захвата здания. Эта высотка с вертолетной площадкой очень важна, потому что с нее можно начинать десантную операцию, в ней удобно разместить штаб, а снайперы, расположившись на ней, могут контролировать большую часть города. Американское посольство – невысокое, трехэтажное здание, и расположено оно так, что спасательные вертолеты будут подвергаться серьезной опасности.

О том, что будет, если ваххабиты, как в Ливане, захватят высотные здания и поставят там несколько крупнокалиберных пулеметов, безоткаток и «РПГ», не хотелось даже и думать...²⁷

– Где посольство? Где гребаное посольство? Ты нас понимаешь?

– Оставь его... – в полутемном помещении, освещенном только отсветами пожаров, появился Аргант, он держал на плече русский пулемет, – они ни хрена не понимают. Все, что они знают, – это деньги. Сколько брать и кому отстегивать долю.

– Сукин сын... – Сэммел привычно отсоединил магазин, проверил, сколько патронов, и толкнул обратно, – как пойдем? Я смотрю, на улице до чертовой матери машин?

– Да, но исправны только некоторые из них, а улица под обстрелом. Машину, скорее всего, сожгут из «РПГ».

– Что предлагаешь?

– Пешая группа сможет пройти. Если будет небольшой, хорошо подготовленной и не будет лезть в неприятности.

– И как ты будешь выводить гражданских из посольства?

– Никак. Им надо продержаться до утра, дальше подоспеет помощь.

– Ты уверен?

– Да, черт возьми, уверен. Но если местные захватят посольство, будет настоящая резня...

– Кто-то должен остаться здесь. Местные не продержатся, будет настоящая резня. Здесь тоже остались гражданские.

Со стороны лобби к ним подошел Брезер.

– Сэр...

– Черта с два я останусь, поняли? Я летел сюда не для того, чтобы отсиживаться...

Сэммел понял, что оставаться придется ему.

* * *

Здание отеля было не так плохо подготовлено для обороны – не хватало людей. Все-таки отель, не говоря о бизнес-центре, чертовски огромное здание с множеством уязвимых мест. Двери, невысоко расположенные окна, холл, по новой моде с большой площадью остекления. Все это делает оборону очень проблематичной.

– Кто может стрелять из «АК»?

Молчание. В отеле осталось около сотни гражданских иностранцев ждать следующих эвакуационных вертолетов. Все они были представителями нового... какой-то идиот с плоскими мозгами надумал называть этот мир «плоским». Это мир, где каждый специализируется на своем... каждый ценен и важен как личность... каждый нуждается в защите и вправе ожидать ее. Вот только времена сейчас такие... никакой защиты не будет, Сэммел это хорошо чувствовал. Он уже проинспектировал запасы еды и воды в отеле и знал, что дня на три без роскоши, но хватит. Но нужны были стрелки... он обезоружил местных, потому что понимал – драться по-настоящему они не будут. Прохавали – по Афгану, по Ираку. Для них тот бородатый урод в прицеле – прежде всего соплеменник и единоведец и только потом враг. Точнее «враг», ибо все тут одним миром мазаны. Хорошо еще – если среди тех, кто в отеле, нет тайных сторонников Хизб ут-Тахрира...

Перед ним было сто человек. Даже сто с лишним. Кто-то из них был хорошим нефтяником, кто-то газовиком, а кто-то менеджером. У них были семьи, дети, дома, кредиты и планы

²⁷ Один из эпизодов гражданской войны в Ливане так и назывался – война отелей. Банды, оседлавшие высотные здания, вели перестрелку друг с другом с верхних этажей. Самое страшное происходило в центре, где снайперы экстремистов заняли сорокаэтажную башню Мюрр и держали под обстрелом половину города.

на будущее. Но это не имело сейчас значения – никакого. Имело значение только то, отстоят они свой дом от натиска бородатых или нет.

– Я вам кое-что объясню, – сказал Сэммел. – Вы находитесь в столице страны, вставшей на дыбы. Когда каждый из вас подписывал контракт, он, наверное, обратил внимание на суммы годового жалованья, что они намного выше обычного. Так вот сейчас вам по-настоящему придется отработать свое жалованье. Повторяю вопрос: кто нахрен умеет стрелять из «АК»?

Молчание. Потом шагнул вперед один из гражданских, рыжий, лысоватый.

– Я, господин офицер.

– Фамилия?

– Шульце, господин офицер. Я отслужил два года в Национальной народной армии ГДР, старший стрелок.

Сэммел молча показал на грудь «АК» с подсумками. Немец выбрал себе автомат и встал за ним. Шагнул вперед еще один.

– Фамилия?

– Морган. Буря в пустыне, сэр. Ваша винтовка нравится мне больше, но с оружием вероятного противника нас тоже знакомили.

Сэммел кивнул. Американец стал выбирать автомат.

– Еще...

* * *

Грохот ботинок по асфальту, казалось, был таким громким, что его было слышно на другом конце улицы. Гребаный проспект Сомони – одна из главных улиц Душанбе. Но и его перекрывал стук сердца. Казалось, что сердце стучит в ушах...

Электричество вырубili. Электричество было отключено. Продвигаться по самому проспекту – смерти подобно, поэтому они продвигались по дворам. Если их обнаружат здесь, бой будет недолгим...

Том, англичанин из морских коммандос, носивший усы на манер Саддама Хусейна, подал сигнал опасности, и все замерли. Они как раз проходили двор... надо было пересечь улицу и идти дальше...

Шум мотора. Хорошо, что услышал.

Свет фар. Ослепительно-яркий в ПНВ. Меж домами – проход, хорошо видно, как перемещаются лучи фар. Потом становятся видны и машины. Огромные, с высокими бортами китайские самосвалы, таких тут полно, с рычанием пронесли мимо, к улице, потом остановились. Разом загрохотали автоматы и пулеметы.

– Сукины дети... Они вступили в бой на перекрестке.

– Здесь ни хрена не видно. По одному пройдем.

– Ты полный псих.

– Да, брат...

Брезер подобрался ближе, осмотрел противоположную часть улицы в монокуляр ночного видения. Он не был командиром, но его громадный опыт делал его слова весомыми.

– Что скажете, сэр?

– Я бы поставил здесь пулеметчика на углу, сынок. Перебегал бы по одному – вон туда.

Он включил лазер в невидимом режиме и показал, куда именно.

– У идиотов мнения совпадают. Арджи, прикрывай нас. Том, ты первый. Я смотрю. Три – два – один – пошел!

* * *

У посольства шел ожесточенный бой, прорываясь вспышками разрывов и трассерами автоматных очередей, взлетающих в небо. Прямо на въезде в здание стоял БТР, лупил по зданию из «КПВТ» – и что там осталось, в здании, понять было невозможно. За этой же машиной скрывалось до десятка боевиков, вперед они не шли. Бронетранспортер стоял очень грамотно – прикрываясь остатками стены, которая раньше защищала посольство. Еще с десятков борода-тых ошивались у бортового грузовика с самодельным бронированием, вооруженные. Что они там делали, Аллаху весть. Судя по грохоту стрельбы, бой шел в саду, а возможно, и в самом здании посольства.

Том стоял на колене, достал глушитель и пристегнул его к автомату, надев прямо на пламегаситель, были украинские глушители, которые надевались на «АК-74» – очень удобно. Привычка иметь при себе глушитель осталась у него со времен морских командос – все-таки их специализацией были диверсионные действия и захват плацдармов на морском берегу. В монокуляре ночного видения мир был зелено-черным, только пламя прорывалось ослепительно-яркими, неохотно тающими вспышками.

– Не спешить, парни... – Брезер пристегнул к своему «М4» длинный магазин на сорок патронов, – не спешить. Том, внимание на грузовик. С БТР мы сами разберемся.

– Есть.

– Чем ближе подберемся, тем лучше. Арджи, останься здесь...

– Есть...

– Начали!

* * *

Утро встретило гарью, рваной пеленой пожаров, щелкающим звуком выстрелов. Очевидно, с наступлением дня бандиты резко снизили активность, предпочитая оставаться на занятых ими позициях. Следовало опасаться снайперов – по опыту Сараево, Сэммел не сомневался, что они будут. Сам он не был в Сараево, но дружил с одним парнем, который там был – во французском миротворческом контингенте. То, что он рассказывал про Сараево, лучше было не слушать ближе к ночи.

Сэммел распорядился пересчитать боеприпасы и перераспределил их, насколько мог. На человека осталось меньше магазина, следующую ночь они не смогли бы пережить. Был вариант перевести людей в посольство, потому что эвакуация если и начнется, то явно оттуда, но по здравому размышлению он решил все-таки оставаться в отеле. Идти с такой большой колонной гражданских по разгромленному городу в посольство, возле которого точно есть боевики, – решение для идиотов. В конце концов, это высотное здание, вертолет можно посадить и сюда.

Он также связался со своим менеджером – тот сказал что-то невнятное, общий смысл разговора можно было уместить в одном слове – ждите. Как он предполагал, сейчас идут консультации между Пентагоном, Госдепом и руководством его фирмы относительно задействования сил частных охранных структур при эвакуации гражданских, относительно правомерности применения силы в суверенном государстве и относительно того, кто за все за это заплатит. Заплатить-то могут и частники, в конце концов, это их работники тут на сковородке сидят, могут заплатить страховщики – лучше заплатить за спасательную операцию, чем выплачивать миллионные страховки. Против будет Пентагон – из принципиальных соображений, потому что если частники будут заниматься такими делами, как эвакуация иностранных граждан из «горячих точек», то возникнет вопрос: а нахрена такие деньги выделяются в военный бюджет? То, что сам Пентагон помочь ничем не может, – это вопрос второй. Когда в Ливии убивали

посла и штурмовали посольство, никто не помог и никто не понес за это ответственность, современный мир не предполагал ответственности за трусость и бездействие. Госдеп будет елозить задницей, прикрывая словоблудием тот неприглядный факт, что никто не готов принять решение и нести ответственность за него. В общем, все как всегда, а они и их жизни – не более чем аргументы в грязном политическом торжище.

Сэммел после разговора с менеджером выругался русским матом, используя все нецензурные выражения, которые знал, а потом набрал номер старины Брезера. Новый мир был хреновым, но хорошие моменты тоже в нем были. Один из таких моментов – если у тебя есть спутниковый телефон Thugaа, с ним ты всегда на связи.

Брезер ответил сразу, фоном разговора служил какой-то непростой разговор с истерическими выкриками, он был слышен даже в трубке.

– Сэр, это Сэммел.

– Да, парень, как ты там?

– Пока держу позиции, сэр. У нас несколько раненых, но мы выстояли.

– Молодец. В других обстоятельствах я бы представил тебя к Серебряной звезде, но пока и это сойдет.

– Что у вас, сэр? Вы прорвались в посольство?

– Да, парень. Здесь до черта убитых и раненых, здание держится на соплях. Эти ублюдки подогнали «Т-72» к зданию и дали нам один час. Сейчас готовим переговоры.

– Мы можем вам чем-то помочь, сэр?

– Наверяд ли. Просто молитесь за нас, парни. Просто молитесь за нас.

– Да, сэр...

Брезер отключил связь.

– Господин офицер.

Сэммел обернулся. Это был Шульце. Смотря на него, Сэммел начинал понимать, почему в Европе произошли две столь страшные войны с немцами. Когда реальность хватает тебя за горло – каждый проявляет себя тем, кто он есть на деле. Шульце, этот толстый рыжий нефтяник, был солдатом. И мужественным солдатом – Сэммел мог навскидку назвать десяток парней в Корпусе, которые ему и в подметки не годились.

– Господин офицер, я бы обыскал те трупы, которые у нас тут лежат. Там есть оружие, а у кого-то есть и патроны. Может, у кого-то есть и пистолет. И в любом случае лучше оттащить их подальше, пока не завоняло.

– Хорошая идея, Шульце...

* * *

– Вы не понимаете, сэр?! Нет, вы просто не понимаете!

Брезер грыз сухарь, почти не чувствуя вкуса, и выслушивал истеричные крики женщины, которая стояла перед ним, уперев руки в бока, – настоящая скандалистка. Интересно, какой придурок назначил ее в посольство в мусульманскую страну, а?

– Что я не понимаю, мэм? – спросил он.

– Это вооруженное противостояние приведет к гибели всех, кто находится в посольстве, я это пытаюсь втолковать вам битые полчаса.

Брезер наконец-то разгрыз сухарь и протолкнул его в глотку.

– Знаете, мэм... – вежливо сказал он, – я сейчас вспомнил слова одного великого американца. Теодора Рузвельта. Он сказал: если какой-то парень хочет дружить с вами или просит дать ему денег – вы можете дать, а можете и не дать, вы свободны в своем выборе. Но если какой-то парень хочет с вами драться – вероятно, вам придется уступить.

– Нет, вы просто не понимаете. В любом случае произойдет становление новой власти. Это должно было произойти рано или поздно, местное правительство довело народ до социального взрыва своей коррупцией и безумной политикой. Но новая власть все равно будет и тогда встанет вопрос: в каких отношениях они будут с США? Если вы сейчас устроите второй акт бойни, то, вероятно, мы навсегда будем врагами для местных людей.

– Мэм, – сказал ганнери-сержант, – эти парни подогнали танк к зданию и собираются открыть огонь.

– И у них есть еще танки, как вы это не понимаете. Даже если вы подорвете этот, у них будут еще. Надо сдаться! Они все равно ничего с нами не сделают, они посадят нас в тюрьму, где сейчас самое безопасное место. Потом придет новая власть – и они захотят иметь с нами дело, хотя бы, чтобы получить кредиты на развитие. Условием получения кредитов будет наше освобождение. И мы все вернемся домой.

– Мэм, – сказал ганнери-сержант, – среди тех, кто штурмовал посольство, были афганские моджахеды, я слышал разговоры на пушту. Они поставят нас перед камерой и отрежут голову. Вас – вполне возможно, что угонят в рабство, будут насиловать...

– Сэр!

Перед ганнери-сержантом был один из тех немногих морских пехотинцев из отряда особого назначения, который еще стоял на ногах. Перед самым кризисом Госдепартамент все-таки догадался перебросить специальный отряд морской пехоты на усиление безопасности посольства. Если бы не эти парни, сейчас посольство было бы уже захвачено. В ночном бою они потеряли три четверти личного состава.

– Да, что у тебя?

– Сэр, посол Коллинз умер.

Достойное начало дня.

– Прочтите молитву.

– Да, сэр.

Брезер встал со стола, который он использовал в качестве сиденья. Было немало дел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.